

Е. Соболев

ДАРИТЕЛИ

ДАР ОГНЯ

Дарители

Екатерина Соболев

Дар огня

«РОСМЭН»

2016

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соболь Е.

Дар огня / Е. Соболь — «Росмэн», 2016 — (Дарители)

ISBN 978-5-353-07776-3

В волшебном королевстве у каждого жителя был свой чудесный дар, полученный от Сердца волшебства. Там обитали пугающие ночные стражи, прекрасная королева льда, могущественный волшебник Барс. А потом волшебство исчезло. С тех пор прошло триста лет, и внезапно история, которая давно стала сказкой, получила продолжение. Хватит ли главному герою мужества, решимости и доброты, чтобы завершить то, что не сумел сделать великий и могучий Сивард?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-07776-3

© Соболь Е., 2016

© Росмэн, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	20
Глава 2	39
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Екатерина Соболев

Дар огня

© Е. Соболев, текст, 2016

© ООО «РОСМЭН», 2016

* * *

Пролог

Если вам скажут, что я, Олдус Прайд, ни в чем не виноват, не слушайте. В тот день я повел себя как последний болван. Но давайте я начну с самого начала. Порядок – вот что важно, когда рассказываешь о невероятных событиях.

Накануне дня, когда порядку в нашем королевстве пришел конец, я проснулся от оглушительного стука в дверь. Открыл глаза – и даже не сразу сообразил, где именно заснул. С королевскими посланниками такое случается: слишком много путешествуем. Стук продолжался, а я моргал, глядя в потолок, пока не вспомнил: я в какой-то унылой северной деревушке, сегодня канун Зимнего дня, а заснул я от усталости еще до заката – и прямо на диване. Свет за окном был вечерний, блеклый, значит, проспал я не больше часа.

– Господин посланник, проснитесь! – гроыхал за дверью голос Седрига, хозяина гостиницы.

Я застегнул мундир (кажется, не на те пуговицы), схватил сумку, куда складываю все, что добыл для короля – такое без присмотра не оставишь, – и распахнул дверь.

– Там... на площади! – выпалил Седриг, тыкая в сторону окна. – Как из-под земли вырос! Вид у него был такой бледный, что я молча бросился за ним.

На площади было людно: все готовились к завтрашней ярмарке Зимнего дня. Повсюду уже расставили столы с соком и пирогами, развесили еловые ветки. Вот только веселиться, кажется, так и не начали. Толпа была непривычно тихая – люди плотно обступили что-то в углу площади и глухо, угрожающе перешептывались. Я протолкнулся сквозь толпу – при виде моего мундира все давали мне дорогу – и обомлел.

Среди привычных, грубо сколоченных столов, за которыми жались притихшие торговцы, высилось что-то невиданное. Огромный, будто вросший прямо в землю прилавок из крепко переплетенных веток, уставленный чашками, блюдами, вазами и корзинами. Кому все это принадлежит, было ясно сразу: скриплер сидел прямо на прилавке, свесив вниз ноги-корни, и протирал чашки полотенцем раза в два больше его самого. Он был как две капли воды похож на всех остальных из своего племени – корявый пенек с руками-ветками, ростом едва мне по колено, – но вел себя более чем странно. Не улепетывал при виде людей, не пытался спрятаться, а главное...

– Подходите, господа и дамы, и особенно дети. Совершенно без всякой платы – чашка лучшего чая, – вдруг проскрипел он.

На слух – как будто ветер качает старую деревянную дверь. Даже не знаю, что было более жутко: то, что он заговорил, или то, что он сказал «без всякой платы». Обмен – основа жизни в нашем королевстве, даже малые дети знают: нельзя никому давать свои игрушки или другое имущество, не попросив ничего взамен.

– ...А к чаю – пряники, орехи, засахаренные лимоны, – прибавил скриплер, будто решил, что еще недостаточно произвел впечатление.

По толпе пронесся сдавленный, потрясенный стон.

Говорят, в старые времена, еще до потери Сердца, скриплеры держали по всему королевству чайные, где давали людям отдых и мудрые советы. Поверить в это трудно: всем моим современникам, а также их отцам, дедам и прадедам, скриплеры известны как обычные домашние вредители, которые стараются не попадаться людям на глаза, – так, шуршат иногда на чердаке. Интерес у них один: хватать все, что плохо лежит, и утаскивать неизвестно куда, – конечно, не говоря при этом ни слова. Когда что-то пропадает или теряется, люди говорят,

что это забрал скриплер, и чаще всего так оно и есть. Сказки про добрых говорящих скриплеров, мастеров чаепитий, – это для детей. Ну, так я думал до того дня.

– Никто и не заметил, откуда его прилавок взялся! – дрожащим голосом сказал Седриг. – Задержите эту деревяшку побыстрей, и дело с концом!

– А что... – Голос у меня сел, и я прокашлялся. – Что пропало?

– Пока ничего, но...

– ...Прекрасное печенье, чай высшего сорта для всякого, кто пожелает, – невозмутимо проскрипел виновник всеобщего беспокойства.

– Раз он ничего не украл, я не могу его задержать, – заявил я, думая о том, как глупо буду выглядеть, если начну гоняться за скриплером по всей площади. И даже если поймаю – куда мне его деть?

– Да кому еще за порядком следить, как не посланникам? – возмутился Седриг. И он был прав: действительно некому. – А мы пока клетку для него найдем, сейчас, я быстро... – И он скрылся в толпе.

Я, если честно, понятия не имел, что делать, никаких инструкций на такой невиданный случай у меня не было.

– Господа, не толпитесь, – громко сказал я. – Здесь множество других развлечений.

Никто не двинулся, и я твердо прибавил:

– Тех, кто сейчас же не приступит к веселью, я задержу по подозрению в краже.

Люди заворчали, но тут же начали расходиться: у нас в королевстве нет ничего хуже, чем подозрение в воровстве. Через минуту этот угол площади опустел, и я остался один перед пугающе нарядным прилавком.

– Апельсиновый мармелад, желе из морошки совершенно без всякой платы, – сообщил скриплер, в упор глядя на меня блестящими глазами, едва заметными среди складок коры.

Я глубоко вздохнул и подошел ближе.

– У вас есть разрешение на присутствие здесь? – наобум спросил я.

– С каких пор нужно разрешение, чтобы быть на ярмарке Зимнего дня? – спросил скриплер, вытирая полотенцем тоненькую чашку.

Я с трудом оторвал от нее взгляд – вещь старинной работы, явно сделана еще до потери Сердца. Вот бы купить ее для короля...

– Людям – не нужно. А волшебным существам оно необходимо.

Это правило я выдумал на ходу: все волшебные существа, кроме скриплеров, уже давно-давно вымерли.

– Мой народ держал чайные испокон веков.

– Эти сведения ничем не подтверждаются.

– Вы всегда такой скучный или только в честь праздника, господин Прайд?

– Я просто слежу за порядком. Стойте, откуда вы знаете мое имя?

Скриплер сделал вид, что оттирает какие-то невидимые пятна на ободке чашки, и я навис над прилавком, как мне казалось, угрожающе. От резкого движения у меня из-под воротника выскользнул медальон, и, прежде чем я успел отшатнуться, скриплер коснулся его своим тонким пальцем-веткой.

– О, медальон-защитник. – Его скрипение стало мечтательным.

– Решите его стащить – будете в Цитадели еще до заката, – сердито ответил я, заталкивая медальон обратно под рубашку.

– Вы зря беспокоитесь. Мы никогда не берем то, что действительно нужно хозяевам.

– Ох, да что вы говорите. А все те старинные предметы, которые вы уже триста лет тащите по всему королевству, тоже никому не нужны?

– Несомненно. Я всегда думал: если люди останутся без творений предков, они быстрее поймут, как убога их нынешняя жизнь. И тогда страшнот смертельное оцепенение уныния,

отправятся искать Сердце, вернут себе дары, и королевство начнет жить, а не трястись над старинными вещами. Жаль, что этого так и не случилось. Но то, что действительно нужно людям, мы не берем.

– Ну конечно.

– Ваш медальон никто из нас не взял бы. Эта вещь важна для вас не потому, что дорого стоит. Такие медальоны превращают вашу любовь к родичам в волшебство, которое их защищает, где бы вы ни были. Кстати, можно посмотреть портреты вашей семьи? А впрочем, там нет портретов. – Он бросил полотенце и, с кряхтением приподняв огромный чайник, налил в чашку заварки.

Я поежился. Откуда, Странника ради, этот деревянный воришка мог знать, что в медальоне?

– Вы положили туда по пряди волос жены и сына. Такая жалость, что люди разучились красиво рисовать. Один мастер древности даже мой портрет однажды сделал. Чаю, господин Прайд?

И скриплер невозмутимо подвинул ко мне чашку.

Мы постояли, глядя друг на друга. Лично я думал о том, почему эта работа сделала меня таким занудой. Раздавал бы скриплер свой чай с печеньем – кому он мешает? Мой сын, увидев такое, от счастья с ума сошел бы. Я тоже, будь я в его возрасте.

Но мне уже двадцать семь, так что я решил, что надо держаться твердо.

– Покажите мне разрешение или будьте добры уйти вместе с прилавком.

Я отлично знал: подобных разрешений вообще не существует.

– Ну, если вы настаиваете... Секундочку.

Скриплер вздохнул, прикрыл глаза и вытянул руку в сторону. Из-под прилавка тут же высунулась еще одна деревянная рука – очевидно, там прятался другой скриплер – и протянула первому мятый лист бумаги. Я заглянул под прилавок: никого, второй уже ускользнул в щель между корнями прилавка.

Скриплер как ни в чем не бывало подал мне лист, я развернул его и обомлел.

– «Подателю сего разрешается присутствовать на ярмарке Зимнего дня. Олдус Прайд». Это что, моя подпись? Подождите! Я помню, когда написал это! В прошлом году. Моему сыну. Он был еще слишком мал, чтобы идти на ярмарку, но так хотел, что я написал ему разрешение!

– Чтобы малыш с юных лет приучался к правилам и бумагам – он ведь, по вашему мнению, тоже обязан стать посланником.

– Я думал, эту записку давно выбросили.

Мне показалось, он усмехнулся, хотя вряд ли это можно утверждать о ком-то настолько деревянном.

– Я ведь говорил: мы собираем вещи, которые не нужны владельцам. Мы верим, что все однажды может пригодиться. Ну, теперь все в порядке?

Я украдкой обвел взглядом площадь. Люди покупали пироги, играли в снежки, бросали камни по мишеням, то и дело поглядывая в нашу сторону. Взгляды их ничего хорошего не предвещали: мрачные, подозрительные. Люди терпеть не могут все необычное, все, что нарушает их спокойствие, – этому каждого посланника учат сразу.

– Это разрешение не подойдет, – громко и сурово сказал я, так, чтобы вокруг услышали. – Нужно разрешение с большой королевской печатью.

– Сейчас что-нибудь подберем.

И скриплер невозмутимо полез под прилавок.

– Подождите! – сердито прошептал я. – Мне не нужно очередное ваше якобы разрешение! Мне нужно, чтобы вы убрались отсюда. Зачем вы вообще явились?

– Решил проверить, как поживают люди. Кажется, не очень хорошо. А почему вы не пьете чай?

– Уходите отсюда. Если не удастся посадить вас в клетку, они просто сожгут прилавок и, скорее всего, вместе с вами.

– Не сожгут, если вы скажете всем, что у меня вкусный чай и что я не хочу никому зла.

– И с чего вы взяли, что я это сделаю?

– С того, что вы сказали «они сожгут», а не «мы сожжем». Орехи в сахаре сегодня очень удались, попробуйте.

Хуже всего было не то, что я не знал, как прогнать странного говорящего скриплера с площади, а то, что я и не хотел. Слишком часто я в детстве представлял себя усталым путником-героем, который после всех подвигов остановится отдохнуть в чайной у скриплера.

А тот, кажется, это почувствовал и подошел ближе, переваливаясь на своих спутанных корнях. От него пахло теплым деревом, как в дровяном сарае летним днем.

– Люди после потери Сердца стали совсем не те, что раньше. Злые, сердитые. Держатся за свои порядки и свое добро. Мой народ уже триста лет боится близко к вам подходить – или пнут, или горящей головней бросят. Но знаете, почему я пришел?

Теперь он скрипел совсем тихо, и я нагнулся вперед, чтобы слышать. Медальон опять выскользнул из-под воротника и закачался в воздухе между нами, но на этот раз я не стал его убирать.

– Сегодня мы все проснулись и поняли: что-то надвигается. Мы это каждой веткой чувствуем. – Скриплер пошевелил одной из веток на голове. – Боюсь, людям скоро придет конец – те, кем они стали, не смогут спасти королевство. Я пришел попрощаться. Вспомнить, в какой дружбе были наши народы раньше, какие праздники устраивали. Так что давайте все начнем с чистого листа, – он потряс редкими листьями на голове, – и вместе вспомним старые добрые времена. В последний раз. Выпейте чаю, Олдус. Я же вижу, вам хочется.

– Умеете вы праздничное настроение создать, – пробормотал я и опрокинул чашку себе в рот. Наверное, это был лучший чай, какой я пробовал в своей жизни, но вкуса я так и не почувствовал. От слов скриплера у меня мурашки по спине поползли, и, чтобы успокоиться, я начал сбивчиво повторять Устав Посланников.

– Нам ничего не грозит. У нас нет врагов. Наши худшие враги – воры, а они все в Цитадели. Наша главная ценность – имущество предков, а оно в сохранности. Старинные предметы – ну, те, что вы не украли, – в королевской казне, а остальные скоро там будут. – Я крепче вцепился в сумку. – Так что не надо меня запугивать.

– Кстати, что у вас там? – Скриплер кивнул на сумку и долил чаю в мою опустевшую чашку. – Я чувствую старинные вещи. Неужели прямо тут и купили?

– А что вас удивляет?

– Мои скриплеры давно обыскали все в этой деревне. Тут не осталось ничего, сделанного мастерами древности.

– Ну, значит, на этот раз мы вас обставили.

Самодовольную улыбку я сдержать не смог. После потери Сердца уже триста лет за старинными предметами охотятся и посланники, и скриплеры. Как ни грустно признаться, в этом соревновании обычно выигрывают юркие пни, которые могут пролезть в любую щель.

– Нас всегда вызывают из столицы, когда умирают старики, – продолжил я (гордость не давала мне промолчать). – Мы осматриваем предметы в их доме и, если среди них есть старинные, честно платим за них наследникам. В этой деревне скончалась старушка, и у нее на чердаке я сегодня нашел вот это.

Я оглядел площадь – все косились на нас, каждый из своего угла. Ну и пусть. Я постарался встать так, чтобы загородить прилавок от любопытных взглядов, и вытащил из сумки два деревянных ящика: один большой, другой маленький. Увидев их, скриплер подавился воздухом.

– Вот этот стоил мне довольно дорого. Смотрите, в каком хорошем состоянии. – Я погладил по крышке большой черный ящик с резьбой в виде волчьих морд. Даже после стольких лет

на своей работе я не мог понять, как предкам удавалось делать вещи такой красоты. – Правда, какой-то умник набил его булыжниками, и теперь они застряли и не вынимаются. Пришлось тащить ящик вместе с ними.

Я откинул крышку. Внутри лежало шесть камней: все одинаковые, круглые и серые, размером почти с кулак. Скрипpler не то крикнул, не то свистнул – словом, издал какой-то совершенно не деревянный звук, – и я, довольный тем, какое впечатление произвел, провел рукой по крышке второго ящика. Тот был маленький, из светлого полированного дерева – легко уместился бы в кармане.

– Этот подешевле, потому что не открывается, замок заело, но тоже явно старинной работы. Думаю, предки складывали в него леденцы, или табак, или что-то вроде того. Неплохой улов, а?

Скрипpler смотрел то на меня, то на ящики – он выглядел настолько потрясенным, что моя самодовольная улыбка стала еще шире.

– «И прежде чем навеки закрыть глаза, Великий Сивард сказал: “Однажды эта игра продолжится”», – проскрипел он так сдавленно, что я еле разобрал.

– Ну да, так кончается сказка про Сердце волшебства. При чем тут это?

Вместо ответа он достал из-под прилавка еще одну чашку, налил чаю, залпом выпил и наполнил снова. Ветки, которыми он вцепился в чашку, подрагивали.

– Шкатулка секретов принадлежала Сиварду. А темный ларец с огненными камнями – его заклятому врагу, разрушителю, – неразборчиво проскрипел он.

– Сивард – самый знаменитый из героев прошлого. Все, что ему принадлежало, стоит таких денег, что вряд ли валялось бы на чердаке у старушки. А после разрушителя и вообще не осталось вещей – я бы знал.

– В этой деревне не было старинных предметов, мы проверяли. – Взгляд скриплера как-то просветлел, будто он окончательно проснулся. – И если они там вдруг появились, кто-то хотел, чтобы вы их нашли. М-да, кажется, я ошибся: ваш народ рановато хоронить. Игра продолжается. Знаете, что такое шахматы, господин Прайд?

– Какая-то игра предков, видел однажды в королевской казне. При чем тут это?

– Эта игра показывает, как работает любое сказочное приключение. Суть вот в чем: есть фигурки двух цветов – черные и белые. Среди них есть черный король и белый король, и сами они почти ничего не могут. Для того чтобы за них сражаться, есть другая фигура: ферзь, все-сильный воин. Вот такой. – Он вытянул ветку в сторону, пошевелил пальцами в воздухе, и второй скрипpler, который, очевидно, по-прежнему был где-то под прилавком, вложил в нее деревянную фигурку, выкрашенную в черный цвет, а потом вторую – такую же, но из светлого дерева.

– Да сколько ж сокровищ вы прикарманили... – застонал я.

Скрипpler строго посмотрел на меня:

– Не отвлекайтесь. В нашей игре белый король – это Барс, величайший из волшебников, добрый покровитель нашего королевства, а черный – это Освальд.

– Освальд? Легендарный король, который загадал желание стать бессмертным и этим угробил Сердце волшебства? – Я сухо рассмеялся. – С тех пор уже триста лет прошло.

– Их ферзями, великими воинами, были Сивард и разрушитель. В битве за Сердце они оба, как вы знаете, погибли. – Скрипpler сбросил обе фигурки под прилавок, и я с тоской проводил их взглядом. – По легенде, однажды на свет появятся их наследники, новые ферзи, черный и белый.

– А при чем тут ящики?

– Огненные камни – легендарное оружие разрушителя. А в шкатулку секретов Сивард спрятал кое-что для своего наследника. Эти предметы даже мы, скриплеры, триста лет считали потерянными, а теперь они вдруг нашлись. Уже догадались, что это значит?

– Хотите сказать, что новые ферзи уже появились и скоро сразятся за Сердце волшебства? – Это было просто безумие, я хотел даже рассмеяться, но ничего не вышло. – Но я ведь... я не один из них, нет?

– Нет, конечно. В игре есть фигуры поменьше и послабее. Вы, пожалуй, ладья. – Скрипpler выставил на прилавок пузатую фигурку из светлого дерева, похожую на башню.

– Уф, ну спасибо.

– А сейчас вы отдадите мне шкатулку секретов, и я в нужный час передам ее наследнику Сиварда. Открыть ее вы все равно не сможете, – будничным тоном прибавил скрипpler и протянул ветку ко мне.

И вот тут я наконец рассмеялся.

– Шутите? Конечно, я вам ее не отдам. Посланники и скрипplers – худшие враги, вы вечно уводите вещи у нас из-под носа! И вообще, я уже составил опись предметов, которые купил в этой поездке.

– Вы ее исправите.

– Знаете что? Король назначил меня главой отряда посланников, хотя все они старше меня. А все потому, что я умею находить предметы и не выпускать их из рук.

Скрипpler вдруг улыбнулся – деревянные углы рта потянулись в стороны.

– Можно, я расскажу вам историю? Про мальчика, который так верил в сказку про Сердце волшебства, что сделал себе деревянный меч – довольно неаккуратно, но уж как мог, – и заявил родителям, что идет искать Сердце и не остановится, пока не найдет и не вернет людям дары. А родители посмеялись над ним и сказали мальчику, что если он будет и дальше мечтать о несбыточном, то никогда не будет зарабатывать много денег. И он вырос, и стал хорошим посланником, который круглый год ездит по королевству и покупает старинные предметы для короля, почти не видя жену и сына. Но зато ему платят десять золотых в месяц и разрешают, как всякому посланнику, иметь одну старинную вещь. – Он постучал веткой по моему медальону. – Когда он последний раз был дома, его сын сказал, что хочет стать как Сивард, найти Сердце и вернуть людям дары. А наш герой ответил ему, что, если он и дальше будет верить в невозможное, никогда не вырастет уважаемым человеком.

– Откуда вы все это знаете? – выдавил я.

– Думаете, скрипplers просто копошатся на ваших чердаках и тащат старые носки и корзины? Мы слышим все, что вы делаете. А теперь отдайте мне шкатулку – поверьте, Освальд сделает все, чтобы она не досталась тому, кому предназначена, а я сохраню ее в целости.

– Никто никому ничего не отдает просто так. – Я был так растерян, что перестал сохранять на лице суровое выражение. – Может, купите?

– Раньше, до потери Сердца, люди часто давали друг другу вещи просто так – это называлось подарком. Почему бы не возродить традицию прямо сегодня?

Скрипpler ждал, вытянув ко мне ветку, и что-то такое было в его взгляде, что я как будто на секунду стал тем, кем воображал себя двадцать лет назад, – усталым путником, которого скрипpler приветствует в чайной перед новыми опасными приключениями.

И я медленно поставил шкатулку из светлого дерева перед ним. Скрипpler улыбнулся, потянул ее к себе. Через секунду она исчезла под прилавком, а я словно очнулся. Осознание того, что я только что сделал, рухнуло на меня, как груда камней.

– А теперь уходите, – пробормотал я. – И прилавок заберите.

– Ну-ну, Олдус, что вы. Не волнуйтесь так. Выпейте еще чаю. Поздравляю вас.

– И вас, – мрачно сказал я, отхлебнув из чашки. Даже если я прямо сейчас переверну прилавок, наверняка пособник скриплера уже утащил шкатулку. Какой же я болван. Если шкатулка и правда принадлежала Сиварду – ей цены нет.

– Я имел в виду не Зимний день. Вы добровольно расстались со своей вещью, в наших чайных путники так и поступали, но сейчас эта традиция, увы, утеряна. По традиции скрипле-

ров за свой подарок вы получите один мудрый совет. А он вам пригодится – вы ведь отправляетесь потом в Хейверхилл, верно?

Я захлопал глазами. Откуда он мог знать?

– В Хейверхилле хранится секрет, – важно сказал скриплер. – А точнее, два. Жители дорого дали бы за то, чтобы никто не узнал про один из них, а про второй они и сами не знают. И вот мой совет: когда окажетесь там, внимательно смотрите по сторонам и крепче держите ларец с камнями. Я бы и его забрал, да не могу – это темное волшебство, мы не можем прикасаться к таким предметам. Освальд жаждет заполучить эти камни и натворить бед. То, что люди не слышали о нем триста лет, не значит, что он вдруг перестал быть бессмертным. Освальд никуда не исчез, он гораздо ближе, чем вы думаете. И жаждет того же, что и раньше: уничтожить Сердце раз и навсегда.

Он так это сказал, что у меня мороз по коже прошел.

– И еще кое-что, – прибавил скриплер. – Вам ведь было приятно отдать мне шкатулку, верно?

Я заносчиво фыркнул – это было глупо, но в тот момент, когда я подвинул шкатулку к нему, я и правда почувствовал себя счастливым.

– До потери Сердца ваши предки говаривали: «Пусть озаряют звезды путь дарителей». Это значит: если отдаешь что-то от всего сердца, ты создаешь особый вид волшебства. И оно всегда возвращается к тому, кто сделал доброе дело. Не забывайте об этом, Олдус, кого бы ни встретили в Хейверхилле.

– Так что у них хранится? – Я отодвинул чашку. – Если бы что-то ценное, они бы давно уже это продали. Какой-то могущественный предмет-помощник?

– О нет. Это не вещь. – Голос его душераздирающе заскрипел.

Я подождал еще, но продолжения не последовало. Скриплер смотрел в другую сторону, и я обернулся.

Трое детей тянули родителей в сторону прилавка, а те за руки тянули их назад.

– Мам, ну можно, пожалуйста? Он же живой, как в сказках!

– Вкуснейший чай, детки! Господин посланник подтвердит! – Скриплер посмотрел на меня, и я уныло кивнул.

После того что я только что сделал, прилавок скриплеров уже не казался мне чем-то из ряда вон выходящим.

И дети с радостным визгом бросились к скриплеру. Родители с опаской пошли за ними, а скриплер ловко вытащил из-под прилавка сразу пять чашек с блюдами. Глаза у него блестели.

– А теперь, детки, скажите: почему, вы думаете, прилавок такой большой? – весело спросил скриплер. И сам же ответил: – Чтобы на нем можно было сидеть! Залезайте! – И дети с радостным визгом полезли по сплетенным веткам наверх.

– Нельзя сидеть на столе! – возмутился их отец.

– Сегодня праздник, пусть развлекаются, – отмахнулся я.

Тот посмотрел на меня круглыми глазами и неуверенно кивнул. И тут, расталкивая людей, которые опять начали собираться вокруг прилавка, к нам пробился хозяин гостиницы.

– Нашел! Вот. – Он торжественно поставил передо мной клетку.

– Не нужно, я все проверил. У него есть разрешение на установку прилавка.

– Какое такое разрешение?

– Официально заверенное и подписанное представителем королевской власти, – хмуро сказал я, и хозяин гостиницы сник. Я в последний раз бросил взгляд на прилавок – скриплера уже облепили дети, и он ловко крутился во все стороны, разливая чай и протягивая им печенье.

– Если мы еще встретимся, как я вас узнаю? – крикнул я.

Скрипpler взглянул на меня, и я вдруг понял: он стал выглядеть моложе, даже листьев на голове как будто прибавилось.

– Меня зовут Пал. Любой скрипpler вам скажет, как меня найти.

И я улыбнулся. На душе у меня стало так легко, словно я правда ему поверил: рано унывать, скоро придет наследник Великого Сиварда и спасет нас всех.

«Давно пора», – подумал я, оглядывая убогую, старую площадь, и пошел в гостиницу, держа Седрига под локоть.

– Завтра утром еду в Хейверхилл. Знаете, как туда добраться?

– В Хейверхилл? – Седриг закашлялся. – А зачем вам туда?

– Увидел на одной старой карте это название. Я даже не думал, что кто-то живет так высоко в горах. Наверняка у них уже лет сто проверки не проводили – вдруг там завалось что-нибудь интересное. А что?

– Да ничего. Это часа три пешком в горы, повозок свободных у меня сейчас нет. И вообще, ничего вы в такой глуши не купите.

И мне вдруг почудилось: он не хочет, чтобы я туда отправился.

– Оттуда они нечасто спускаются, мы к ним тоже не ходим, – с нажимом продолжал Седриг. – Зачем вам туда идти прямо в Зимний день? Оставайтесь лучше у нас на праздник. У нас тут вон какая невидаль – разрешенный заверенный скрипpler.

Но я только покачал головой. Жажда деятельности кипела во мне, как вода в чайнике скриплера Пала.

– Я выйду на рассвете, – важно сказал я и, оставив растерянного Седрига посреди улицы, отправился к себе.

В своей комнате, скрипучей и промерзшей насквозь, я рухнул на кровать и проспал до рассвета, на этот раз никем не потревоженный. Когда первый луч бледного зимнего солнца глянул в окно, я оделся и спустился вниз.

Внизу было холодно и очень тихо, у потухшего камина спал большой серый кот. Я хотел было позвать хозяина, но тут входная дверь распахнулась рывком, так что холодный ветер взметнул в камине пепел и осыпал им кота. Тот недовольно мяукнул и заснул опять.

На пороге стоял румяный, толстощекий человек в расстегнутом полушубке, как будто ему было жарко даже на таком морозе.

– Поздравляю с Зимним днем! – Он приветственно раскинул руки. – Я Йенс Кэмпбелл, пекарь, старейшина Хейверхилла. Мне про вас Седриг рассказал. Говорит, вы к нам сегодня собирались.

Он кивнул на дверь в соседнюю комнату: оттуда доносился мощный храп хозяина гостиницы, которого мои приготовления к отъезду, кажется, ничуть не потревожили.

– А мне Седриг говорил, вы не спускаетесь к ним в деревню, – подозрительно начал я. – С чего сам господин старейшина решил меня проводить?

Йенс расплылся в улыбке:

– Решил: дай, думаю, посмотрю, как в Барнаби гуляют!

– В пять часов утра?

– Да, что-то я рано. А тут вы. Вот это везение – прямо на праздник господин посланник к нам едет! На нашу ярмарку Зимнего дня решили посмотреть?

Я молча вышел за дверь, и он тут же бросился за мной.

– Хорошо, что вы нас посетите! Местечко у нас отличное, хоть и дальше! – зачастил он, беспокойно поглядывая на мой мундир. – Вы, к примеру, знаете, в какой деревне до сих пор умеют соболиные полушубки шить?

– Э... в Хейверхилле? – предположил я.

– Так и знал, что вы про это слышали! Ярмарка у нас небогатая, но для такой скромной деревеньки неплохая! Расстарались мы в этом году, увидите!

– Скажите, а вам знакомо вот это? – Я остановился и вынул из сумки ларец с булыжниками: вдруг этот пекарь что-то про них знает?

– Камешки какие-то. Не знаю. А чего это?

Лицо у него было простодушное, и я сразу понял, что о камнях он и правда ничего не знает, и с сожалением убрал их в сумку.

– Деревня у нас отличная, – опять затянул Йенс. – Уж такое мирное местечко! Хорошо, что решили к нам заглянуть! И ярмарка у нас будет просто...

Я вздохнул и перестал слушать.

Было прекрасное тихое утро, снег хрустел под ногами. Йенс рассказывал, какие пироги будут у них на ярмарке и какие развлечения. Лицо у него было безмятежное, румяное, и я подумал: а что, если скриплер решил меня разыграть, обманом выманил шкатулку, и в Хейверхилле ничего странного не будет? Я едва не спал на ходу, убаюканный рассказом Йенса. Самому расспрашивать было рано: если они и правда хранили что-то незаконное, сначала надо осмотреться.

Дома попадались все реже, дорога упрямо карабкалась вверх между двух заснеженных склонов.

– ...У нас там тихо, спокойно. Скучновато, я бы сказал. Такая же деревня, как любая другая, совершенно...

Йенс вдруг насторожился, оборвав себя на полуслове. Я тоже наконец очнулся и заметил: сзади доносится какой-то странный шум, что-то похожее на веселый скрежет. Кто-то нагнал нас, и я замедлил шаг. До этого я слышал такой звук всего однажды, в детстве, но сразу узнал. Губная гармошка – редкий, ценный предмет. Откуда, Странника ради, она могла взяться в такой глуши?

– И кого сюда несет? – со свирепостью, неожиданной для такого радушного человека, пробормотал Йенс и сжал рукоятку ножа, висевшего у него на поясе.

Вскоре из-за поворота выехала скособоченная, запряженная хилой лошадкой повозка. Правил ею некто в истертой куртке с капюшоном. Увидев нас вдалеке, он молниеносным движением оторвал гармошку от губ и спрятал в карман.

– Доброго утречка, господа, – поравнявшись с нами, он придержал лошадь. – Вам повезло, что в этот славный Зимний день великолепный фокусник решил удостоить визитом именно вашу деревню.

Голос был совсем молодой, лица я почти не видел, но в голове у меня сразу вспыхнуло кое-какое подозрение. Парень сидел, свесив ноги с повозки, но левую держал как-то странно, будто не мог распрямить ее до конца.

– Езжай своей дорогой, оборванец, – грубо сказал Йенс. При виде повозки его дружелюбие растаяло, как масло на солнце.

Я его понимал: тех, у кого мало имущества, нигде не жаловали, а судя по потрепанному виду повозки, лошади и одежде владельца, с имуществом дела у него обстояли так себе. Мои подозрения крепились с каждой минутой.

– Хейверхилл – это ведь сюда? Поеду с вами, в компании всегда веселее.

– Хорошая идея, – быстро сказал я. – Не подвезете меня заодно? Ноги устали.

Пекарь что-то возмущенно забормотал себе под нос. Даже приближаться к беднякам было плохой приметой – можно заразиться их неудачей, – но мне надо было проверить свою догадку.

– Садитесь, если не шутите. – Человек в капюшоне подвинулся, и я залез на хлипкую телегу – та скрипнула и просела.

В столице мы до сих пор берегли крепкие, добротные повозки, изготовленные предками, но эту явно сделали недавно, то есть была она полным хламом.

Я удобно устроился на козлах и, сделав вид, что мне жарко, расстегнул полушубок. Увидев мундир посланника, возница вздрогнул и как-то скособочился, пряча лицо. Но было поздно, я его уже узнал и, пока он не опомнился, дернул руку вперед и стянул с него капюшон. Ярко-рыжие волосы сверкнули под блеклым солнцем.

– Так и есть. Хромой воришка, – тихо сказал я, глядя на пекаря.

Тот шагал в нескольких шагах от повозки, старательно показывая, как он возмущен тем, что я, приличный на вид человек, сел рядом с таким бедняком.

– О, так вот вы как меня называли. – Фальшиво бодрым голосом пробормотал рыжий парень. – А я надеялся – может, ловкий сокол, или мастер побегов, или вроде того.

– Я помню твое дело, – спокойно сказал я. – Пятеро молодых людей пытались украсть старинную кружку, вас застали, пособники тебя бросили, потому что ты хромой и не можешь быстро бегать. Тебя приговорили к пяти годам в Цитадели, ты просидел там год, а пару месяцев назад сбежал.

Рыжий парень еле слышно застонал.

– Слушайте, я исправился, честно. Я ничего не краду – год в Цитадели как-то отбил охоту. Я умею показывать фокусы. Езжу по дальним деревням, зарабатываю, не высовываюсь. Кто ж знал, что посланника понесет в такую глушь? Вечно мне везет как утопленнику.

– Я по пальцам могу пересчитать всех, кому удавалось сбежать из Цитадели, и все они – птицы куда покрупнее тебя. Серьезно, как ты это сделал? С твоей-то... ногой.

– Ну, если я вам скажу, как я смогу опять провернуть этот трюк, когда туда вернусь? – Рыжий положил поводья на колени и, сведя запястья, протянул руки в мою сторону. – Давайте уже, не тяните. Я знаю правила. Вы меня задержали, отвезете назад и получите за это что-нибудь. Что там получают посланники за поимку беглецов?

– Тебе сколько, шестнадцать? Родители где?

Он в ответ только пожал плечами, и я продолжил:

– Зачем ты вообще украл ту кружку? У нас в королевстве надо быть безумным, чтобы взять чужую вещь.

Он снова дернул плечом.

– Слушайте, с каких пор посланники беседуют с арестованными? Наручники у вас в левом кармане, надевайте уж побыстрее.

Еще пару дней назад я бы так и поступил, но странная радость от вчерашнего разговора со скриплером все еще никуда не делась и сейчас так и подбивала меня сделать глупость.

– Поводья возьми, твоя лошадь в сугроб уже заворачивает, – сказал я.

Парень посмотрел на меня так, будто у меня выросла вторая голова, но послушался.

– Законы нашего королевства против воров разумны, – негромко сказал я, потягиваясь. – У нас слишком мало имущества, чтобы спускать такое. Но я считаю, что пяти лет многовато за кражу кружки. Думаю, для воспитания юных умов вроде тебя года вполне достаточно.

Он вытаращил глаза:

– Вы точно посланник?

– Я работаю в отделе поиска предметов, а не в отделе наказаний. Но имей в виду: узнаю, что ты кого-нибудь обокрал, передумаю. – Я развернулся и приподнял ткань на повозке. Кроме старого одеяла, ведра воды и охапки соломы, там ничего не было, и я удовлетворенно кивнул. – Кстати, насчет краденого – на чем ты играл, когда ехал сюда?

– Ни на чем, – быстро ответил он, по-прежнему глядя на меня широко раскрытыми глазами.

– Ага, конечно. Давай сюда. – Я вытянул ладонь, и он, глубоко вздохнув, положил на нее губную гармошку. Я бережно повертел ее в руках. – Ее ты явно украл, – пробормотал я. – Такие редкие предметы даже мне нечасто удастся достать.

– Не украл. Она моя, – запальчиво сказал он, и что-то такое было в его голосе, что я почему-то сразу ему поверил. – Всегда в нашей семье по наследству передавалась. Я ее спрятал, прежде чем в ту кражу ввязаться.

– Продай ее мне. Заплачу два золотых, цена хорошая.

– Я бы скорее бабушку продал, чем ее. Но бабушки у меня нет, так что можете за нее не беспокоиться, и... – Парень оборвал себя на полуслове, и глаза у него будто потемнели. – А, я понял. За свободу же надо чем-то расплатиться.

– У каждого есть предметы, которые не продают. – Я потерял свой медальон, а потом проглотил рыжему гармошку.

Тот недоверчиво посмотрел на меня и вдруг фыркнул и улыбнулся. Улыбка у него была на редкость хорошая, она будто заново перерисовывала его бесцветное, худое лицо.

– Вот это денек, – тихо сказал он.

– У вас все в порядке? – неожиданно подал голос пекарь, по-прежнему держась на расстоянии. – Держите карманы крепче, господин посланник, такой оборванец может и воров оказаться.

– Полный порядок, господин старейшина, – жизнерадостно сказал рыжий, пряча гармошку.

– Откуда знаешь, что я старейшина? – подозрительно спросил Йенс.

– Сразу видно! Внушительность, величие, царственная фигура, мощный голос.

Я был уверен, что такой грубой лестью никого не купишь, но Йенс приосанился и гордо выпятил подбородок.

– Устрою в вашей деревне просто грандиозное представление, многоуважаемый господин старейшина. Могу ли я за него рассчитывать на три медяка?

– Посмотрим, – важно сказал пекарь. – Если хорошо нас развлечешь, получишь что-нибудь. Хотя с такого, как ты, довольно и двух. Господин посланник, может, слезете оттуда? Я бы вам про нашу деревню еще порассказал.

– Если хотите, я подвинусь, вы тоже сядете, место есть, – с готовностью сказал рыжий.

Йенс гневно отвернулся и зашагал быстрее.

– Откуда знаешь, что я уже устал его слушать? – весело пробормотал я.

– Если б я не видел дальше собственного носа, сидел бы еще в Цитадели, – фыркнул он. – Желаете послушать музыку?

– Не возражаю, – кивнул я. – Хотя, думаю, мастера древности играли лучше.

– Это уж само собой. Но мастеров нет и уже не будет, а плохо – всегда лучше, чем никак. Думаю, об этом же думал тот, кто сделал эту телегу, – сказал он, пнув свое душераздирающе скрипящее средство передвижения, и вытащил из кармана гармошку.

Мы ехали уже долго, а вокруг ничего не менялось. Вдоль дороги не попадалось ни единого дома, только сосны да ели, крепко одетые инеем. Я понял, что Хейверхилл уже близко, когда в небе начали загораться разноцветные огни – их запускают в Зимний день в каждом городе и деревне, от Лютого Севера до Персикового Юга. Запасы этих огней и трубки для их запуска – единственное, что после предков осталось в изобилии. Запасов было столько, что в каждом городе и деревне до сих пор в Зимний день могли запускать огни. Для многих это были самые счастливые минуты. Люди собирались и, затаив дыхание, смотрели, как взмывают в небо огни, – самая яркая и красивая вещь, какую они увидят за год.

Огни вспыхивали в низком небе и тут же таяли, как сахар в горячей воде, скрипела телега, звенела гармошка, лошадиные копыта с хрустом вдавливались в снег, и почему-то настроение у меня было просто отличное.

А затем – алые огни как раз сменились зелеными – я заметил кое-что странное. Вдоль одной стороны дороги – той, что шла почти отвесно вверх, в гору, – на стволах всех деревьев была выжженная полоса, будто кто-то провел факелом на одной высоте, на уровне моего плеча.

– Что это такое? – поинтересовался я.

– А? – вскинулся Йенс. – Где? Метки? Да это пожар лесной у нас был.

– Какой-то странный пожар.

Йенс дернул плечами, беспокойно поглядывая на гору. Я посмотрел туда же и увидел: высоко на склоне среди деревьев пробирались люди в белых охотничьих полушубках, человек десять. Один из них замахал Йенсу рукой. Тот сделал вид, что не заметил.

– Никто и никогда не охотится в Зимний день, – насторожился я. – Что они там делают?

– Да я не знаю, кто это.

– Они вам помахали.

– А, ну, значит, наши парни из деревни решили пойти ловушки проверить. А может, и дичь подстрелить. Там уже, наверное, ярмарка началась, – изо всех пытаюсь казаться спокойным, выдавил Йенс.

Но я видел, как он напуган: от его самоуверенности не осталось и следа. Он больше не снимал руку с ножа.

Мы шли все дальше, я тревожно вглядывался в лес. Вокруг было тихо и пусто, снег искрился, как глазурь на торте. Потом вдалеке я заметил неясное движение. Кто-то вскрикнул. В этом лесу явно что-то творилось.

Я сделал рыжему знак придержать лошадь, прыгнул с повозки, нагнал Йенса и схватил его за рукав. А вдруг скриплер меня все же не обманул?

– Если вы сейчас же не скажете мне, в чем дело и почему кто-то охотится здесь в праздник, я вызову других посланников. И отдел поиска, и отдел наказаний. И все вместе мы выясним правду. Как вам такой план?

Йенс задыхался тяжело, как бык, и я выложил лучшую свою карту.

– До меня дошли слухи, что вы здесь кое-что скрываете. Уверен, вам не хочется, чтобы об этом узнал отдел наказаний. Или нет?

– Это Седриг проговорился, да? – сдавленно забормотал Йенс. – Старый пень! Так и знал, что нельзя ему рассказывать! Мы ни в чем не виноваты, у нас хорошая деревня! Я потому вас и провожаю, из Барнаби по-другому не добраться. Седриг мне ночью послал с птицей весть, что вы к нам идете. Сегодня день охоты, и я боялся: вдруг кто-нибудь из наших в вас попадет или этот нелюдь сам на вас бросится, вот и решил проводить, чтобы...

– Нелюдь? – переспросил я.

Йенс тревожно оглянулся на застывший лес.

– Нам пора, господин Прайд. Seriously пора. Давайте мы лучше у меня дома поговорим, я на стол соберу, обед хороший устрой, а заодно мы...

– Слушайте, Йенс, – я положил руку ему на плечо, хотел, чтобы получилось дружелюбно, но сжал с такой силой, что он поморщился, – пока не объясните, я с места не сдвинусь.

– Помните сказку про Великого Сиварда и Сердце волшебства? – выпалил Йенс, и у меня по спине пополз холодок. – Помните, у Сиварда был враг, разрушитель? А что он делать мог, помните?

– У него был дар уничтожать все, к чему он прикоснется, – медленно начал я.

– В этом лесу живут парнишка и его отец, – будто через силу выталкивая слова, сказал Йенс. – И у парня – дар. Странником клянусь, такой же, как у разрушителя.

Я замер, приоткрыв рот.

– Но этого не может быть, – упрямо пробормотал я. Одно дело – слушать болтовню скриплера на ярмарке, а другое – действительно в нее поверить. – После потери Сердца даров

не бывает. И даже если бы в королевстве родился кто-то с даром, особенно таким, его держали бы под строгим присмотром. Как такое возможно, чтобы...

– Да мы договорились! – Йенс повысил голос и сбивчиво, перепуганно зачастил: – Отец у него обычный, просто охотник. Они не здешние, пришли лет десять назад, поселились высоко в горах. Это парень оставил метки на деревьях, чтобы мы в их охотничьи угодья не ходили. Мы тут не охотимся и вообще ни ногой, но вдруг дети случайно забредут?

– Я ничего не понимаю, – честно сказал я. Мы так и стояли посреди дороги. Рыжий парень опустил поводья и молча переводил взгляд с меня на Йенса и обратно. Судя по лицу, он не верил в этой истории ни единому слову. – Успокойтесь и говорите медленно, ладно?

Йенс со стоном выдохнул.

– Первые пару лет, как они пришли, вообще тише воды были, только отец спускался иногда в деревню дичь продать, а ребенка мы и не видели ни разу. А потом, лет пять назад, голодная зима была, долгая, страшная, вся дичь ушла, и мальчишка залез к одному нашему крестьянину украсть овцу. – Йенс говорил все быстрее, захлебываясь словами. – Подошел к ней, руку протянул, вот так, только пальцем ее тронул, а она тут же замертво и упала. Да только крестьянин это увидел, шум поднял. А когда на овцу глянули, на ней след жженный остался, там, где он прикоснулся. Все сразу вспомнили – в сказке разрушитель то же самое делал, только тот-то еще людей вот так убивал, тронет – и все. Мы тогда сгоряча сами чуть мальчишку не порешили.

Я недоверчиво фыркнул, хотя на самом деле мне было так жутко, что чуть волосы не шевелились.

– Но если это правда, почему вы не вызвали посланников?

– Да мы хотели, и тут отец мальчишки пришел. И нас уговорил: дескать, его сын тихий, больше никого не тронет, а если еще раз сбежит, тогда делайте что хотите. Вы бы видели его отца – мрачный тип, и взгляд у него... спорить не захочешь. Ну, мы и договорились: пусть в лесу живут, они нам каждый месяц приносят дичь и шкуры, а мы за это помалкиваем. У нас редко кто бывает. Мы не ходим на их землю, вон парень подпалины на деревьях оставил, чтобы показать границу, и за нее не выходит, даже когда его загоняют. Понимаете, они шкуры уж очень хорошие достают, дельных охотников уже давно не сыскать, а эти...

– Подождите, – перебил я, вытирая лоб. – Кто кого загоняет? Вы сказали, что не ходите туда. Тогда почему сейчас в лесу столько ваших людей? Никто и никогда не охотится в Зимний день.

Йенс насупился и почесал шею. Он был красный как рак.

– Тогда, пять лет назад, в деревне большая ссора вышла. Многие говорили, что надо вызвать посланников и дело с концом, пусть его в Цитадель посадят, у других и вообще руки чесались самим от него избавиться. И тогда папаша парнишки одно условие предложил. Сказал, что мы можем раз в год на парня охоту устраивать. Если наши смогут его убить, отец нам мстить не будет, но если не смогут, мы весь оставшийся год его не трогаем, и посланникам не заявляем. Заодно и наши парни тренируются, ну, как в сказках на чудовищ охотились. Молодые они, охота героями себя почувствовать, а где им еще удаль показать? Мы и согласились. Это его отец нас заставил, ясно? Лично я всегда, всегда был за то, чтобы от парня просто избавились, я верный слуга короля! – Он перевел дыхание. – Охота каждый год в разный день, мы случайно выбираем, чтобы парень с отцом подготовиться не успели, просто тыкаем в календарь вслепую, а на этот раз случайно в Зимний день попали.

– И сейчас они пытаются его поймать, – пробормотал я. В это было невозможно поверить, но страх на румяном простом лице Йенса был так отчетливо виден, что невольно передался и мне. – Ваши охотники что, стреляют в человека?

– Да это уже пятая охота, а пока живой. Да он, наверное, вроде как и не человек, раз не такой, как все, верно? Так, задели его пару раз, но чтобы насмерть – не было такого! –

залепетал Йенс. – Он быстрый, как белка, от стрел уворачивается, лес хорошо знает. И зачем он вам сдался? Пойдемте отсюда, ярмарка уже точно началась, и мы...

– Забудьте про ярмарку. Нужно поймать его и отвезти во дворец. Если вы говорите правду, человек с подобным даром не может разгуливать на свободе. Его нужно держать в особом месте, где он не причинит никому вреда, и мне очень нужно, чтобы вы мне... – но договорить я не успел.

Кто-то бесшумно выскочил на дорогу прямо перед нами.

Меня зовут Олдус Прайд. Запомните мое имя, вы его еще услышите: говорю без ложной скромности. Но эта история не обо мне.

Она о том, кто совершил нечто удивительное, и, как всегда бывает в таких случаях, всякий пересказывает историю по-своему. Каких только выдумок мне не приходилось слышать! Но я передам вам чистую правду: то, что поведал мне он сам.

Тем зимним утром я встретил его в первый раз, и с этого, собственно, все и началось.

Глава 1

Охота на охотника

Кабан шумно несясь вперед, ломая кусты, проваливаясь в снег, – три стрелы торчали у него в боку и что толку? Для такого матерого зверя – просто царапины. Чтобы добить, надо попасть в ухо, а для этого надо подобраться ближе, и Генри уже рассчитал, как это сделать, когда его план с треском разбился об одну простую истину: никогда не знаешь, что взбредет в разгоряченную погоней кабанью башку. Зверь, видимо, решил, что бегать ему надоело и пора в честном бою разобраться, кто сильнее. Он резко развернулся и бросился Генри навстречу.

– Ну, блеск, – выдохнул Генри.

Стрелять? Не успеет. Лезть на дерево? Не успеет. Он расправил плечи, поймал злобный взгляд кабана – и стянул перчатки. В голове стало пусто и ясно: звенящая, яркая тишина. Он рванулся в сторону, перекатился по снегу, а кабан с ревом проскочил на пару шагов дальше, и прежде чем зверь успел развернуться, Генри прыгнул ему на спину.

В воздухе запахло паленым, кабан хрюкнул и повалился на бок – Генри едва успел откатиться, чтобы сотня килограммов мяса не рухнула на него сверху.

– Слишком легко, – пробормотал он, натягивая перчатки. Руки тряслись. Когда ему стало лучше, он засвистел уверенно, громко, чтобы услышал отец.

Через четверть часа отец спустился со склона и посмотрел на кабана.

– Неплохо, да? – хмыкнул Генри. Он сосредоточенно рассматривал подпалину на шее зверя – слишком крепко схватил, испортил шкуру.

– Вот это – неплохо? – угрюмо переспросил отец. – Полтора часа, Генри, ты угробил на погоню за этой свиньей.

– На превосходную, успешную погоню, пап. – Генри вытащил веревку и начал связывать кабану ноги.

– Да неужели? Может, мне еще сказать, какой ты молодец?

– Что такое «молодец»? – нахмурился Генри. Отец часто говорил слова, которых он не знал, – раньше отец жил в мире людей, а у них много непонятных слов.

– Дурацкое слово, которым люди расхваливают друг друга за сделанную работу. А теперь слушай меня. – Отец отрубил от ближайшего куста толстую, длинную ветку и бросил ему. – Медленная, неуклюжая победа – это почти поражение.

– Пап, это же четырехлеток! У него шкура толстая. Да никто из этих деревенских охотников близко бы к такому не подошел!

– О, я даже не сомневаюсь. – По голосу отца Генри сразу понял: сейчас будет нравоучение. – За тобой посылают самых слабых, Генри, чтобы они хоть чему-то научились. Но однажды ты встретишь других людей – опасных, умелых, – и как ты думаешь, чего они захотят? Подружиться с тобой? Может, поболтать? Нет. Люди завидуют тебе и твоему дару, а когда они чему-то завидуют, они хотят это уничтожить. А теперь вернемся к кабану. Когда он вышел к водопое, твоя засада была в полукилометре от него. Вполне можно было попасть в ухо.

Генри закатил глаза и начал привязывать ноги кабана к палке.

– Пап, да эти парни из деревни с такого расстояния и в самого кабана бы не попали. А пока я сильнее их, все в порядке, разве нет? Откуда тут другие люди-то возьмутся?

– Откуда угодно и в самый неподходящий момент. Знаешь, если искусство охотников из Хейверхилла, по-твоему, предел мечтаний, нам пора поговорить о твоём будущем.

– Что, обязательно сейчас? – застонал Генри и, кряхтя, положил один конец палки себе на плечо.

Отец сделал то же самое со вторым концом, и они побрели вверх по склону. Тяжелая туша чуть покачивалась в такт шагам, клыкастая морда рыхлила глубокий снег.

– Люди никогда не оставят тебя в покое, – пыхтел отец, пошатываясь под весом туши. Ничто на свете не могло помешать ему давать наставления. – Чтобы спасти свою жизнь, тебе надо быть не просто сильным. Тебе надо быть лучшим.

– Эй, пап. Но я же молодец, да? – Генри улыбнулся во весь рот и поудобнее уложил палку на плече. – Он. Просто. Огромный.

– Ты самодовольный маленький паршивец, и до добра это тебя не до...

Что-то будто разорвалось в воздухе, Генри дернулся, пригибаясь, и палка сползла с плеча. Кабан провалился в снег, теперь вверх торчали только привязанные к палке ноги.

В небе, над дальними деревьями, загорелись огни. Синие, красные, зеленые... Они взвились вверх, замигали и погасли, а на их месте тут же появились новые. Генри сглотнул. Ничего страшного – просто День Угрозы. Раз в год люди из деревни подбрасывают цветные огни прямо в небо, чтобы показать свою силу и власть. Ну ничего, однажды он им покажет, кто действительно силен.

– Так и будешь стоять или поможешь мне вытащить из сугроба этого хряка? – сердито сказал отец.

Генри повернулся к огням спиной, взялся было за палку – и остановился. Сделал несколько шагов вниз по склону.

На снегу были видны следы какого-то зверя.

– Пап, смотри. Похоже на рысь, но не она – след слишком большой. И пальцы у рыси тоньше, и шаг длиннее, и еще она следы когтей оставляет, а тут их нет.

Генри выпрямился, сделал пару шагов вдоль цепочки следов – и брови у него поползли вверх.

– Откуда зверь вообще тут взялся? – Он ткнул в первый след. – Я сначала подумал, он прыгнул вон с той сосны, но тут шесть с половиной метров, как же он... Неплохой прыгун, да? Не мог же он взять и исчезнуть, – пробормотал он и повернулся к отцу. Тот всматривался в следы тяжелым, неподвижным взглядом.

– Это барс, – выдавил отец.

А огни становились все пышнее, ярче. По лесу прокатился сначала розовый свет, потом оранжевый, и каждый раз снег пропитывался этим светом насквозь, словно кто-то лил на него воду с краской.

– Барс? Никогда про такого зверя не слышал. Но он явно крупный, с отличной шкурой. – Генри страшно устал за утро, но ему хотелось показать отцу, чего он стоит. – Отнесем кабана, а потом я вернусь и выслежу этого барса – от меня не уйдет. Пап, ты что? Что такое?

Отец присел на одно колено и тронул след.

– Поверить не могу, – тихо сказал он.

Но что он имел в виду, Генри так и не успел спросить.

Лес по-прежнему освещали цветные вспышки, они делали его чужим, незнакомым, и, наверное, поэтому Генри услышал свистящий шепот стрелы слишком поздно, но все же успел, дернулся вниз, и стрела врезалась в ствол дерева.

О нет. Только не сегодня.

Генри замер на месте, теряя время, хотя чувствовал: сейчас они выстрелят снова. Отец так и стоял прямо, даже не пытался спрятаться, будто забыл об осторожности. Он всегда ходит в темном полушубке, с Генри его никак не спутаешь, охотники это знают, им незачем стрелять в отца, не он им нужен, но...

– Папа, иди домой, – пробормотал он, тревожно оглядываясь, определяя, где прячутся охотники. Нужно было увести их как можно дальше отсюда. – Не стой тут, бросай тушу и уходи, слышишь?

Отец встряхнул головой и посмотрел на него странным, незнакомым взглядом, хотел что-то сказать, но тут в дерево попала вторая стрела – и Генри сорвался с места.

Он мчался вперед, краем глаза выхватывая из белизны леса полушубки охотников. Свет вокруг по-прежнему был разноцветным, он сбивал Генри с толку, но также он сбивал и прицел охотников. Опасность отдавалась в ушах высоким, пронзительным звоном, он уходил от одного охотника и напарывался на другого, но люди даже не знают, что значит быть хорошим стрелком. Они медленные, неуклюжие, и, пока они натягивали тетиву, он уже уходил с прицела и мчался дальше, не чувствуя больше ни страха, ни усталости, не думая о времени, и слишком поздно понял: они обманули его. Они загнали его туда, где между деревьями была натянута сеть, выкрашенная белой краской, он врезался в нее со всего размаха и едва не застонал – болван, как он мог так попасться?

Генри сорвал с руки перчатку, рванул сеть на себя – и та осыпалась золой. Дар спас его второй раз за день, но время было потеряно, люди нагнали его, он не успел даже дернуться – и стрела насквозь прошла ему плечо. Зато сеть больше не держала, и он поднырнул под следующую стрелу, прополз по снегу и бросился дальше, стараясь не думать о рвущей боли в плече. Охотники кричали что-то, довольные своим обманом, он петлял среди них и деревьев, а потом, резко сменив направление, стремглав бросился к скалам. Там есть замерзшая река, берег нависает так, что под ним можно спрятаться.

С разбегу проехав по льду, Генри соскользнул под откос. Сердце колотилось медленно и тяжело, левый рукав пропитался кровью, но рана не такая уж тяжелая, бывало хуже. Он одним движением вытащил стрелу, на секунду ослепнув от боли, с силой перетянул платком руку над раной, держа один конец зубами. Если кровь будет капать на снег, его и ребенок выследит. Генри вытер мокрый лоб и вжался спиной в обледеневшие камни, пытаясь сквозь сорванное дыхание расслышать, удалось ли ему сбить людей со следа.

Но вместо этого он услышал кое-что другое: тихое звериное фырканье.

Генри повернул голову – и застыл.

Шагах в двадцати от него, ниже по течению замерзшей реки, сидел огромный зверь с серебристо-серой шерстью, и Генри сразу понял: тот самый.

Станным было не то, что барс укрылся здесь от охоты – место удачное, почему бы и нет? Станным было другое: при появлении Генри зверь даже ухом не повел. Стрелять? Такого с одного выстрела не убьешь, особенно с раненым плечом, только разозлишь. Бежать? Просто смешно – догонит за пару секунд.

А потом барс поднялся и неспешно пошел вдоль каменного откоса прямо к нему, и Генри вдруг понял, что drobный, стучащий звук, отдающийся у него в ушах, издают его собственные зубы.

Хуже быть уже не могло, но тут с нависшего над ними скалистого берега раздались осторожные хрустящие человеческие шаги – и страх полоснул Генри, как ножом. Охотники нашли его, сейчас заглянут под откос, и все. Остается только понять, кто убьет его раньше. Лучше бы зверь. Умереть от руки людей – слишком унижительно.

– Вот отличное место, – сказал один охотник. В тишине звук показался оглушительным. – Доставай бутерброды.

Такого слова Генри не знал. Может, это какое-то оружие людей? Он бесшумно перенес вес на одну ногу, приготовился сорваться с места, чтобы не умирать без драки, но ничего не произошло: на берегу было тихо. Потом послышались хруст и чавканье.

– Большой Патрик орал, что подстрелил чудище, так наши теперь по всему лесу разошлись и ищут. Следы потеряли, вот придурки!

Барс остановился и посмотрел вверх, словно тоже прислушивался к разговору. Почему он такой спокойный? Может, больной? Лед на скалах блестел, как стекло, а свет вокруг все

время менял оттенок, и под ним все выглядело зыбким, ненадежным. Генри замер, прикусив перчатку, чтобы дышать потише.

– Короче, никто и не заметит, что нас нет. Хоть отдохнем от этой беготни. Если спросят, почему со всеми следы не искали, скажем, что решили проверить тут, у реки, очень внимательно искали, но... – охотник откусил от чего-то и начал шумно жевать, – не нашли. Понял, мордастый?

Генри непонимающе нахмурился. Он не мог вообще не оставить следов, почему они так плохо осмотрели место?

– Слушай, Хью, – сказал второй голос, густой и низкий – так бы, наверное, разговаривали медведи, если бы умели, – а вдруг он правда сюда побежал и сейчас бросится на нас?

– Да ладно, чудище же не совсем тупое! Где ему тут прятаться, не в русло реки же он полезет! Тут скользко, шею можно сломать!

– А если он правда туда залез?

– Ну ты и тупица! Патрик говорит, что руку ему прострелил. Вот если б я взял стрелу и воткнул тебе в руку, ты бы что делал?

– Я бы плакал. И кричал: «Помогите!»

– Вот именно! Любой бы так делал. А тут тихо, так что нету его, можем сидеть спокойно.

Барс еле слышно фыркнул. Генри широко раскрытыми глазами смотрел на него: чего он ждет? Звери не смотрят так долго, прежде чем задрать.

– А если он все-таки выскочит?

– Как же ты меня достал своими дурацкими вопросами! Если выскочит, я натяну свой могучий лук и влеплю ему стрелу промеж глаз. А потом еще одну в сердце, вот прямо сюда!

– Хью, а я думал, что сердце слева.

– Потому что ты тупица! Короче, я бы утыкал его стрелами, как ежа иголками, а потом подошел и еще пнул пару раз, чтобы наверняка.

Барс сделал еще несколько шагов в сторону Генри – лапы вминались в тонкий снег без единого звука. Генри сжал зубы и выпрямился. И охотники, и зверь какие-то странные, так что рано сдаваться. Бледно-розовый свет волной прокатился по камням и сменился лиловым, и Генри коротким движением стянул со здоровой руки перчатку. Ему бы только прикоснуться к зверю. Тот, конечно, будет драться, охотники услышат, но вдруг отвлекутся на такую невиданную добычу? Это даст ему хоть пару секунд. Он сбежит. Он успеет. Дар его спасет – в третий раз за день.

– ...В общем, до заката я отсюда ни ногой. Мы сидим в засаде, а остальные пусть носятся по лесу, если им так надо.

– А если папа вечером спросит, почему мы со всеми не бегали?

– Тогда мы вот что расскажем. Надо не так цветисто, как в прошлый раз, а то никто не поверит. Мы выследили чудище, залегли в засаде, и тут он выскочил прямо на нас. Так, что дальше... Он зарычал и бросился прямо на тебя, мордастый.

– А почему на меня?

– Ну, если на такого толстяка бросаться, точно не промахнешься! Словом, он вцепился зубами тебе в плечо, и тут я подскочил сзади и ударил... так, чем я его ударил? Поленом! А он кинулся на меня, и тогда я схватил факел и, размахивая им во все стороны, отогнал нелюдя, и тот заскулил и сбежал.

– Но, Хью, мы же не умеем огонь разжигать.

– Ой, не привязывайся к мелочам!

В той же непонятной, нелепой тишине барс подошел вплотную и уселся в шаге от Генри. Тот замер... Руку надо вытянуть быстрым, коротким движением, чтобы зверь не успел укусить, тянуть нечего, надо прямо сейчас, но что-то останавливало его.

Барс глядел на него таким странным взглядом – ясным, почти человеческим. Смотрел так, будто Генри – потерянный родич из его стаи. Этот взгляд напомнил Генри что-то смутное, хорошее, из самого дальнего угла памяти, что-то, чему он даже не знал названия. Генри смотрел в глаза стольким животным, но ни разу не видел ничего подобного. Он моргнул. Безумие какое-то. Стараясь не думать об острых звериных зубах, он медленно вытянул руку вперед, поднес ее так близко к морде, что почувствовал исходящее от шерсти тепло.

Но барс не отводил взгляда, и Генри не мог заставить себя прикоснуться.

– А если папа спросит, где след зубов, раз он меня в плечо укусил? – задумчиво сказал охотник с медвежьим голосом.

– Ладно, сейчас я тебя сам укушу, для достоверности. Подожди, бутерброд прожую. Ага, вот. Только не ори, а то все прибегут.

Над лесом рассыпался целый сноп красных огней, вспыхнул так ярко, что Генри в одно мгновение разглядел все: спокойную морду барса, блестящий лед, две тени охотников, длинные, черные, и Генри, сам не понимая, что с ним такое, медленно опустил руку. Барс еще пару секунд смотрел на него, а потом фыркнул и легко бросился вверх по откосу.

– Хью, да ты сильнее кусай, а то через куртку не чувствуется, – как ни в чем не бывало пробасил охотник – и осекся, словно подавился воздухом.

Генри полоснуло такой яростью, что он сам едва не задохнулся, – идиот, какую добычу упустил! Что с ним вообще такое, с чего он так размяк? Ну уж нет, он – лучший после отца охотник в этом лесу, и он догонит барса, покончит с ним, спрячет тушу под снегом, до заката побегают от охотников, а потом вернется и заберет добычу, и отец будет им доволен. Безумие – вести охоту, когда охотятся на тебя самого, ну и ладно. Да и вообще, нельзя сидеть тут весь день. Это против правил охоты. Людишкам нравится, когда он бежит от них, а не прячется.

И, не думая больше ни о чем, он подтянулся и вылез на берег реки.

Барс, видимо, был совсем не в себе – даже не сбежал. Охотники сидели, уставившись на него, один вцепился зубами другому в рукав и от страха, кажется, позабыл их разжать.

Потом они перевели взгляд на Генри и завопили так, что он едва не оглох, а барс наконец бросился по горе вниз, и Генри понесся за ним. Вдалеке пять или шесть голосов закричали: «Вот он, держите, ну!», вокруг посыпались стрелы – значит, другие охотники были уже недалеко.

Он уворачивался от стрел, по свисту определяя направление полета и ни на секунду не выпуская барса из виду. Сердце у Генри билось так, будто пыталось выломать ему ребра, лес переливался разными цветами, пугающий, незнакомый, они бежали из зеленого цвета в золотой, из золотого в лиловый. В голове мерзко звенело, Генри спотыкался на каждом шагу, с трудом различая барса среди цветных вспышек, он уже сам не понимал, чего хочет больше: догнать зверя или самому уйти от погони. Они мчались так, что охотники остались далеко позади. Генри внезапно понял, что их давно уже не слышно.

Барс выбрал неудачное, опасное место, Генри никогда не зашел бы сюда сам, – зверь бежал в сторону дороги, ведущей в деревню людей. Надо бы остановиться и выстрелить, но барс слишком быстрый, одна заминка – и он его упустит, надо ждать подходящего момента. Склон шел резко вниз, Генри проваливался в глубокий снег, но вставал и бесшумно мчался дальше, все быстрее, быстрее, ноги не слушались, он бы уже не смог остановиться, даже если бы захотел. Барс вдруг оказался совсем близко, потом резко прыгнул вправо, а Генри пробежал еще несколько шагов вперед. Деревья закончились, под ногами оказалась ровная земля.

Он обернулся, задыхаясь. Барса не было. Следы обрывались на снегу. Просто обрывались. Огни рассыпались в воздухе немыслимыми цветами, сразу всеми на свете, – и погасли.

А потом Генри медленно повернулся и понял, что стоит на дороге, а прямо перед ним стоят люди.

В любой другой день Генри сбежал бы, прежде чем они успели понять, что действительно видели его, но сейчас даже с места не мог сдвинуться: голова кружилась, колени будто стали мягкими, как глина, – он ослабел от раны и усталости сильнее, чем думал. У одного из людей в руке был нож, и, не успев даже подумать, Генри вытащил стрелу, кое-как натянул тетиву, стараясь не морщиться от боли в плече, и так замер – просто чтобы напугать. Отец говорил: «Нет в природе крепче сбитого стада, чем люди. Если ранишь одного, хоть царапину на нем оставишь, за тобой придет сотня». Барс заманил его сюда – зачем? Чтобы его убили на дороге, а не в лесу? И куда делся он сам? Нет, нельзя сейчас об этом думать.

Двое стояли близко к Генри: один толстый и с ножом, второй кудрявый и высокий. Третий – человек с яркими, как лисья шкура, волосами – сидел на большом деревянном ящике с колесами, отец говорил, это называется повозка. Люди так обмотаны одеждой, что под ней можно спрятать сколько угодно ножей. А в повозке, наверное, топоры, лук, стрелы. Так, есть еще животное.

Генри глянул повнимательнее и понял: это животное он когда-то видел, называется лошадь, не опасно, используется для перевозок. Но и его нельзя упускать из виду: вдруг люди тренируют этих самых лошадей нападать на врагов?

Все это он обдумал за то мгновение, пока натягивал тетиву, и все это время люди молчали. А потом толстяк с ножом вдруг издал высокий, пронзительный вопль. Генри никогда бы не поверил, что он исходит из такого могучего тела.

– Ого. Это что, и есть ваше чудище? Ладно, судя по крику господина старейшины, можно было и не спрашивать, – сказал человек с рыжими волосами, и Генри немедленно перевел стрелу на него. – Э, э, парень, давай без этого. Дыры в груди не было в списке моих планов на вечер.

Рыжий человек поднял ладони вверх. Отец говорил, это жест подчинения, так делают люди, чтобы показать, что не собираются нападать, и Генри опять повернулся к толстяку. Ничего, скоро отдохнет и сможет бежать. Умчится отсюда быстрее, чем стрела, но ему нужна еще пара минут.

– Я сразу был за то, чтобы от него избавились, я знал, что однажды он на людей решит напасть! – взревел толстяк и замахал ножом во все стороны. – Господин посланник, давайте убейте его, иначе он нас всех порешит!

– А с чего вы взяли, что парень хочет вас убить? – спросил рыжий человек. Он по-прежнему держал руки поднятыми. – Может, он в вас целится, потому что вы орете и ножом в его сторону тыкаете? Вы посмотрите, он сам перепуган до смерти. Готов поспорить на свою гармошку, он тут случайно оказался.

– Захлопни рот, оборванец, никто тебя не спрашивал! – заорал толстяк, сильнее стиснув нож. – Господин посланник, что вы стоите! У вас хоть оружие есть? Да что вы за посланник такой!

Генри натянул тетиву сильнее, беспомощно переводя взгляд с одного человека на другого. Он почти не различал ни лиц, ни слов, только следил за их руками, в голове тяжело стучало: опасность, опасность, опасность.

– Слушайте, у меня есть план, – сказал рыжий. – Господин старейшина опускает нож, ты, парень, опускаешь лук, и мы все мирно расходимся. Мне уже представление пора начинать, ярмарка-то идет.

– Ни за что я нож не опущу, он же, как зверюга дикая, сразу бросится! А ты, трусливое отродье, чем на своей повозке сидеть, помог бы его схватить!

– Так это про вас говорил Пал, – подал голос кудрявый. – Вы и есть секрет, который тут хранят. Молодой человек, послушайте. Мне надо у вас кое-что спросить.

– Да он же не говорящий! – Вопль толстяка перешел в низкий, утробный стон. – Вы бы еще у дерева спросили!

– Я кое-что покажу, а вы скажете, знаком ли вам этот предмет, хорошо?

Кудрявый медленно, раскрытой ладонью потянулся к сумке. Если внутри оружие...

Но кудрявый достал ящик из темного дерева, открыл его и замер. Внутри лежали какие-то серые камни, каждый размером с утиное яйцо.

– Вы знаете, что это такое? Вы видели это раньше?

Генри крепче сжал лук.

– Я ж говорю вам: он языка человеческого не понимает. Слушайте, вы его хоть арестуйте сначала, а потом уж разговаривайте, коли охота! – простонал толстяк. – Он же только и ждет, когда мы спиной повернемся, тут же вцепится!

– Знаете, если б мне в лицо тыкали ножом, я бы тоже на вопросы не отвечал, – пробормотал рыжий. – Господин посланник, хотите совет? Отнимите у господина старейшины нож и бросьте на землю. Не вздумайте доставать наручники. За что его арестовывать? Он с вами поговорит, просто не пугайте его, и все. Не собирается он ни на кого бросаться.

– А вот мой совет, – процедил толстяк. – Хватайте его. Он раненый, мы его возьмем. Таких, как он, надо сначала в клетку сажать, а потом уж допрашивать. И вообще, кого вы будете слушать? Этого оборванца или уважаемого человека?

Какое-то время никто не двигался. Потом кудрявый достал из кармана что-то похожее на железную веревку с петлями на концах, и сигнал опасности в голове у Генри взревел громче. Он сразу понял, зачем эта веревка: чтобы связать ему руки. Значит, все еще хуже, чем он думал. Они хотят не убить его, а взять в плен. Ну уж нет. Пусть даже не мечтают.

– Именем короля вы арестованы до выяснения дальнейших обстоятельств вашего дела. Положите лук на землю и медленно поднимите руки. – Кудрявый словно только сейчас вспомнил, что второй рукой по-прежнему прижимает к груди открытый ящик, захлопнул его и хотел убрать обратно в свою холщовую сумку, но ящик не лез, углы цеплялись за края сумки, и кудрявый протянул ларец толстяку: – Подержите и не мешайте.

Он шагнул в сторону Генри, сжимая в руке серебристую веревку.

– Вот, другое дело! Давайте, вы слева заходите, а я справа! – крикнул толстяк и, тыкая перед собой ножом, засеменял вперед.

– Я же вам сказал – не меша...

Две секунды спустя у обоих в правой руке торчало по стреле. Пекарь издал знакомый вопль и выронил и нож, и ларец с камнями. Кудрявый ахнул, схватился за плечо и согнулся пополам. У него было такое потрясенное лицо, будто его ранили впервые в жизни. А тем временем толстяк, спотыкаясь, бросился к повозке, с неожиданным проворством влез на нее, столкнул рыжего в снег и со всей силы дернул ремни, привязанные к морде лошади. Животное всхрапнуло и потрусило вперед.

– Давай, кляча! Быстрей, господин посланник, он же нас прикончит! – Толстяк рывком втащил кудрявого на повозку, сильнее потянул за ремни, и лошадь побежала. – А ты, зверюга, еще поплатишься!

– Эй, не грубите моей лошадке! – крикнул рыжий из сугроба у обочины. Потом выбрался из снега и нетвердо встал на ноги. Повозка, подрагивая так, будто сейчас развалится, все быстрее катила в сторону деревни. – А хорошо ведь начинался денек. Да убери ты лук, я что, выгляжу как человек, который хочет тебя убить?

Он развел руками, и Генри, следя за ним внимательно, как за зверем, молниеносно убрал лук за плечо и вытащил нож. Этот человек был совсем странный – он не пытался ни напасть, ни сбежать.

– Ну, уже лучше, – с сомнением глядя на нож, протянул рыжий. – Кстати, хочешь совет? Вали из этой деревни. Они про тебя такую историю выдумали, ты бы слышал. Якобы ты прикосновением убиваешь, как тот тип из сказки. Ха! Придумают же! И за что они на тебя так

взъелись? Украл что-нибудь? Не с той девчонкой встречался? – Рыжий шагнул ближе, и Генри с силой сжал нож. – Да ты просто душа компании, приятель.

Генри перевел взгляд на камни, раскатившиеся по дороге.

– Ну уж нет, я их брать не буду, – хмыкнул рыжий, будто отвечая на его мысли. – Еще скажут, что украл, а мне это надо? Захотят – вернутся, хотя выглядят эти штуки как обычные булыжники. Ладно, ярмарка уже началась, а мне еще надо свою повозку найти. Удачи, приятель. Если за тобой придут – не попадайся.

И с этими словами он развернулся и побрел в сторону деревни, даже не оглядываясь, будто не боялся, что Генри может бросить нож или выстрелить ему вслед. Шел он как-то странно, будто левая нога у него не шевелится. Потом достал что-то из кармана, поднес ко рту, и послышались жизнерадостные дробные звуки, как если бы кто-то решил подражать пению птиц, дуя в железную трубу.

Генри со смутным беспокойством смотрел ему вслед. Странно как-то... Отец всегда говорил, что люди опаснее любого зверя: свирепые, тупые, жестокие, одержимые жаждой убивать всех, кто, вроде Генри, отличается от них в лучшую сторону. Генри потряс головой, чтобы не думать. Далеко же он забрался, если охотники еще не нашли его. Но теперь надо возвращаться и бегать от них до заката, а то скажут, что он нарушает уговор.

Тут взгляд его снова упал на камни, раскатившиеся по дороге, – почему-то его к ним так и тянуло. Он присел на колено рядом с одним из них, осторожно взял, и ему вдруг так захотелось тронуть его голой рукой, это желание вспыхнуло в голове ярко, как молния, и он зубами стянул перчатку. Отец говорил, его дар зачахнет, если его не тренировать, и Генри часто уничтожал камни, деревяшки, кости животных – что под руку попадается, – но никогда еще этого не хотелось так нестерпимо. Он сжал на камне пальцы. Тот начал нагреваться, почернел и рассыпался в пепел, все как обычно, с любой вещью это происходило в его руках, а потом...

Генри вскочил и, больше не глядя на камни, повернул в лес, сбивчиво убеждая себя, что ничего странного не видел.

Когда он разжал руку, пепел упал на снег и вдруг сложился в четкий, яркий контур оскаленной волчьей пасти – и исчез, будто впитался. Генри поворошил снег – ничего. Пепел пропал без следа.

Еле передвигая ноги, Генри брел вверх по склону, вдоль следов барса и своих собственных. Он озирался на каждом шагу, вслушивался в лес, но нигде не было ни движения. Охота идет до заката. Это правило, которое никогда не нарушали ни он, ни те, кто приходил за ним. На дороге сильно шумели, да и он оставил следы, охотники давно должны были его найти. Генри уже почти дошел до того, чтобы крикнуть: «Эй, я здесь, куда вы запропастились?» – но потом придумал кое-что получше. Осторожно, короткими перебежками, он вернулся туда, где все началось, – к каменистому берегу, под которым прятался. Там, где кончались голые камни и начинался снег, было месиво следов, и Генри долго стоял, разглядывая их. К тем двоим охотникам прибежали остальные, следы много раз перекрывали друг друга, они все долго топтались рядом, а потом... Потом куда-то пошли. Это было уж совсем странно. Генри шел вдоль их следов, пока не понял: они ведут в сторону деревни.

Значит, после того как он выскочил из укрытия и погнался за барсом, охотники собрались все вместе и ушли. Не пошли вдоль следов, чтобы найти его или барса. Просто ушли. И что ему теперь делать?

Генри прислонился к стволу сосны, зажимая рану. Ну и денек. Рука, которой он уничтожил камень, до сих пор казалась горячее, будто он обжегся, – такого никогда не бывало раньше. Охотники сами ушли – такого тоже не бывало. Не говоря уже про барса, который просто взял и...

– Так и знал, что опоздаю, – сказал у него за спиной незнакомый голос, и Генри подскочил, хватая лук и стрелу. Под соседним деревом стоял растрепанный старик с клочковатой бородой. Следов вокруг не было, как будто старик просто появился на этом самом месте.

Да уж, действительно – ну и денек.

– Привет, Генри! – Старик приветственно раскинул руки. – Перейду сразу к делу: то, чего все ждали, сбылось! Сивард сказал: «Эта игра однажды продолжится», и день настал! Барс выбрал тебя, а значит, ты – наследник Сиварда и отправляешься в поход за Сердцем, поздравляю! – Голос у него становился все громче, будто он пытался перебудить все зверье в лесу. – Пойдем к твоим родителям, я все им объясню, ты возьмешь вещи и можешь выходить прямо сейчас. А я, Тис, буду твоим помощником в приключениях!

Старик сделал шаг вперед – и в ветку дерева у него над головой врезалась стрела.

– Что ты такое творишь? – возмущился старик и, запрокинув голову, посмотрел на стрелу. – Я рассчитывал на: «Ух ты, Тис, привет, выдвигаемся немедленно!» Ну и молодежь пошла...

– Не подходите ко мне. Убирайтесь. Это мой лес, – пересохшими губами пробормотал Генри. От потрясения он даже забыл, что обещал себе никогда не говорить с людьми.

Старик задумчиво подергал себя за бороду.

– Знаешь, я тебя как-то по-другому представлял. В этом лесу точно нет еще одного Генри? Впрочем, надеюсь, мы... Да что ты делаешь! – завопил он так, что где-то в верхушках сосен всполошились птицы.

Вторая стрела дрожала в стволе дерева в паре сантиметров от его плеча. Генри собирался выстрелить еще разок, для убедительности, но не смог – рана в руке вспыхнула такой болью, что он едва устоял на ногах. Люди явно решили добраться до него, но он им не дастся ни за что, он им не...

– А, я понял, – как ни в чем не бывало продолжал старик. – Если бы у меня вся рука была в крови, я бы тоже, наверное, начал кидаться на всех подряд. Подожди минутку, никуда не уходи.

И с этими словами старик пропал. Просто взял и исчез.

Генри взлетел вверх по склону быстрее, чем косуля, он никогда в жизни так не бегал, даже на охоте, десять секунд – и он уже был на середине откоса, теперь старик его точно не...

В следующее мгновение Генри со всего размаха влетел прямо в него.

– Ты куда? – искренне удивился старик, потирая живот. – Я же сказал: не уходи. И чего ты так на меня смотришь? У меня что, крошки на лице? Так, ну-ка вытяни руку. Лунный камень тебя мигом вылечит. Или это Пушистик? Вечно их путаю.

На этот раз в руках у старика было животное, похожее на рысь, но размером едва ли больше белки. Старик держал его за шкурку, а животное как будто не возражало – висело тихо и сонно, как дохлое, но с открытыми глазами. Генри вжался спиной в ствол ближайшей сосны. Он был храбрым с кабанами, медведями, волками, охотниками, но вот это было уже слишком.

– Стой, куда ты пятишься! Я знаю, дети всегда боятся лечиться, но для этого ведь и нужен волшебник с лечебными кошками! Стой, я тебе сказал. Такой большой мальчик, а боится. Вот, возьми-ка конфету, пожуй пока. – Он вытащил из кармана что-то блестящее и протянул Генри, но тот думал только о том, что лучше: отбиваться ножом или принять свою судьбу. Рука с животным неумолимо приближалась к нему. – А, не берешь конфеты у незнакомых волшебников? Тоже молодец. Ну же, что ты смотришь на меня, как скриплер на костер? Это что, из-за бороды? Зря я ее отпустил. Просто лень было бриться, все равно никуда не хожу. Но ты прав: волшебник с бородой – это странно, вид сразу какой-то дикий. Вытяни руку, последний раз говорю.

Пятиться больше было некуда – Генри уперся спиной в очередное дерево, и тут старик ловким движением посадил зверя ему на рукав. Генри сжался, приготовился, что животное

начнет драть его руку, – какие все-таки у людей странные способы убивать, – но зверь сонно улегся животом прямо на рану, пристроив голову ему на плечо. Толстые задние лапы перебрали полушубок около локтя, а потом зверь зажмурился и начал раскатиисто, тихо урчать. Генри все ждал боли, укуса, удара, но все было наоборот: боль уходила, будто растворялась в тепле. Потом зверь открыл глаза, извернулся и перепрыгнул на плечо Тиса. Генри уставился на свою руку. Развязал платок. Ощупал плечо.

Раны не было. Исчезла даже кровь, которой был пропитан весь рукав, осталась только едва заметная дырка от стрелы. Генри передернуло. Он даже не сразу понял, что Тиса рядом нет, а когда тот, секунду спустя, появился, животного у него на плече уже не было.

– Я отнес Лунного камня домой, после лечения им надо долго спать, – весело пояснил старик. – А теперь давай представим, что мы только что встретились, и начнем сначала: всегда надо давать людям еще один шанс. – И с этими словами он исчез, по явился, раскинул руки и громко сказал: – Привет, Генри! Извини, я немного опоздал. Барс велел появиться, когда он устроит тебе на дороге встречу с людьми, но я так давно не пользовался магией перемещения в большом мире, что забыл, как она работает, а пока вспоминал – опоздал. Ну и ладно, таких новостей можно и подождать, верно? – Он посмотрел на Генри так, будто ждал ответа. – Эй, я же тебе сказал: ты теперь надежда всего королевства. Ну, и где «ура»? Где «всю жизнь об этом мечтал»? – Он раздраженно фыркнул. – Да уж, раньше с героями таких проблем не было. Ладно, начну издалека. Мальчик, что ты делаешь один посреди леса с дырой в руке? Ты спасаешь принцессу? Ищешь клад? Тебя заколдовала ведьма? Может, у тебя в руке был зуб злого паурага, которого ты победил в долгом бою?

О чем он говорит, Генри не слушал, но голос был таким добрым, будто старик не хотел ему ничего плохого, и Генри вдруг подумал: если бы хотел убить, зачем вылечил его руку?

А старик продолжал смотреть на него с непонятной надеждой, как будто Генри должен был что-то сказать, и они, наверное, стояли бы так еще долго, если бы над лесом опять не вспыхнули сторожевые огни. В День Угрозы люди запускали их дважды в день, – наверное, чтобы он точно усвоил урок и не лез к ним.

– О, так сегодня Зимний день! – воскликнул Тис. – Мой любимый праздник! А почему ты не на ярмарке? Так, нам немедленно надо туда, хочу поздороваться со скриплерами и остальными, сообщить им, что я проснулся. Мы быстренько, а потом уже соберем тебя в поход. Пешком идти неохота – ну и снега тут у вас! Давай мне руку. – Он вытянул ладонь в сторону Генри. Тот замотал головой. – А, ну конечно! Как я мог забыть! Маски! Погоди, сейчас я нам что-нибудь подберу.

На этот раз Генри даже не двинулся. Он наконец все понял. Стрела людей была обмазана каким-то ядом, и он сейчас замерзает где-то в сугробе или уже умер, и это все ему просто кажется, а он даже не успел попрощаться с отцом.

– Я на Зимний день всегда в маске дракона, – неразборчиво сказал старик, появляясь снова. К его лицу теперь был привязан разноцветный кусок картона в виде морды какого-то невиданного зверя, и подозрения Генри только окрепли. – Самих их, бедняг, уже не осталось, но лично я считаю, что надо хоть раз в год почтить их память. Тебе даю маску льва. Лев – символ храбрости, а ты, в конце концов, будущий герой королевства. Надевай.

Генри послушался сразу – что уж теперь. Это, наверное, какой-то обычай мира мертвых. Он приложил яркую маску к лицу и завязал тесемки на затылке.

– А теперь дай мне руку, – сказал Тис. – Вот молодец. И не делай такое мрачное лицо, я даже под маской вижу. Сегодня же праздник! Ну, поехали. Раз, два...

Генри закрыл глаза.

В следующую секунду у него будто вырвали из-под ног землю, а потом подложили обратно, но не ту же самую. Вокруг теснились дома, люди, звуки, запахи, огни, он рванулся назад, натолкнулся на какого-то человека, метнулся в другую сторону и понял, что Тис по-

прежнему держит его за руку, вцепившись так, будто хочет раздробить ему кости. Эта боль была почти приятной, отрезвляющей. Генри замотал головой, он вдруг понял совершенно ясно – он жив, а вокруг него... Он пригнулся, решая, как вести драку, – вот только никто не закричал. Не выстрелил.

Люди стояли, запрокинув головы вверх, и смотрели на огни, которые вырывались из круглой жаровни посреди пло...

Генри вздрогнул. Слово «площадь» возникло в голове так, будто он знал его всегда. Что-то шевельнулось глубоко в памяти – и исчезло.

Отец говорил ему: «Никогда и ни за что не лезь туда, где живут люди. Их деревня – страшное место, каких только ужасов там нет! Если они увидят тебя там – сразу убьют, и не мечтай сбежать: люди, от стариков до детей, всегда вооружены до зубов».

Разноцветные огни освещали площадь, высвечивали столы с какой-то пищей, пучки еловых веток, обвязанных цветными лентами, спокойные, расслабленные позы людей, которые крепко прижимали к себе детенышей, и Генри с первого взгляда понял: ни у кого здесь нет оружия. Он всегда чувствовал опасность, но здесь ее не было, и все эти разноцветные наряды, старые дома, еловые ветки и ленты – это было...

– Ого, – еле слышно выдохнул он.

Тут огни погасли, и люди начали смеяться, махать шляпами, обнимать детенышей, хлопать друг друга по спине. Они не дрались, просто слегка касались, потом кто-то повернулся к Генри и сказал: «С Зимним днем!», и голос у него был веселый, а не угрожающий.

– Подавиться мне своей дурацкой бородой, – медленно произнес Тис, и на этот раз Генри слушал каждое слово: пора было уже понять, что происходит. – Ну и убожество. Ты видел эти дома? Они в землю уже вросли. – Тут старик, кажется, понял, что все еще сжимает руку Генри, и разжал пальцы. – Прости. Я теперь понимаю, с чего ты так перепугался. Я думал, что проспал неделю, ну, может, две. Месяц, самое большее. А на самом деле... Благородный господин, подождите секундочку, – позвал он мужчину, который шел мимо них. – Вы не подскажете старику, сколько лет прошло с потери Сердца?

Тот фыркнул.

– Ты у какого прилавка купил такой крепкий сок, дедуля? Мне бы тоже туда.

– Я вынужден настаивать, – пролепетал Тис. – Сколько прошло времени со смерти Сиварда?

– Да я вообще во всю эту ерунду не верю. Но мой дед говорил, что это все взаправду было. Лет триста назад.

– Триста, – повторил Тис и вдруг обхватил свою картонную голову обеими руками.

– Кто вы такой? – спросил Генри, как он надеялся, угрожающе, но получилось, кажется, довольно жалко. Он мелко, неглубоко дышал, никак не мог вдохнуть до конца. Деревня была совсем не такой, как рассказывал отец, но с какой стати отец бы ему соврал?

Тис не ответил. Он раскачивался из стороны в сторону, как заведенный, и мотал своей драконьей головой.

– Триста лет. Я все проспал. Что у меня за судьба – везде опаздывать. Триста лет! – доносилось из-под маски.

Генри хотел было сказать ему, чтобы перестал стонать и объяснил, в чем дело, но тут натолкнулся взглядом на кое-что слишком знакомое: толпу людей в белых полушубках. Оружия при них уже не было, но он их сразу узнал. Почти все на площади были в разноцветном, но эти были одеты как охотники. А рядом с ними стоял толстяк в маске кабана и с перевязанной рукой.

Один из охотников, невысокий и шуплый, в маске медведя, что-то с жаром говорил толстяку, и Генри сделал несколько шагов в их сторону: вдруг узнает, почему они так рано бросили охоту? Тис все равно стоял на месте, по-прежнему бормоча себе под нос.

– ...Пап, да честно, так все и было, вон Сван подтвердит!

Стоявший рядом крупный малый в маске зайца решительно кивнул.

– Так, а теперь послушайте меня, – взбешенным голосом процедил толстяк, обводя взглядом охотников. – И вы все, ребятки. Не было никакого барса, вам ясно? Как будто я своих сыновей не знаю. Хью и Сван это выдумали, только чтобы побыстрее от охоты отделаться и на ярмарку идти, пироги есть. А вы и рады! Упустили нелюдя, а он едва не убил и меня, и господина посланника из столицы, и теперь все узнают, что мы эту тварь тут прятали.

– Пап, но как же барс? Мы думали, ты обрадуешься. – Голос у здорового парня в маске зайца задрожал. – Он точно такой был, как в сказке, которую бабушка рассказывала. Огромный и весь сияет.

– Еще раз услышу эту дурацкую историю – без сладкого месяц будешь сидеть, – отрезал толстяк и отошел.

Охотники тут же сгрудились вокруг тех двоих.

– Да ладно, мы ж не злимся, – сказал высокий, худой охотник. – Вы отличную историю выдумали – кому охота в праздник носиться по лесу и стрелять? А вашему папаше так и надо, сам бы давно уже подстрелил нелюдя, а то все время только грозится.

– Точно! Точно! – загалдели остальные.

– Но мы его видели! Барса! – дрожащим голосом сказал здоровяк и вдруг заплакал во весь голос. – Правда! Бабушка рассказывала, что барс однажды вернется и укажет на воина, который Сердце найдет! Вдруг это мы?

Ага. Эти тоже, как и Тис, твердили про какое-то сердце. Но чье? Они что, вырвали у кого-то сердце и спрятали? Жуть какая. Вот это уж точно похоже на папины рассказы.

Что-то холодное вдруг коснулось его затылка, он успел пригнуться в последнюю секунду, и какой-то белый предмет пролетел мимо него, едва задев. Генри обернулся, схватившись за нож, но так его и не вытащил.

Неподалеку от него дети – четырнадцать человек в ярких полушубках и маленьких масках – делали что-то странное. Они зачерпывали с земли снег, сбивали его руками в шары и бросали эти шары друг в друга. Увидев, что он повернулся, пухлый мальчик швырнул в него еще один шар, но на этот раз Генри ушел в сторону заранее, и шар упал на снег.

– Ого! – громко крикнул мальчик. – Как вы так увернулись? Поиграйте с нами, а?

Генри сделал шаг назад, еще один, он пытался все быстрее, но дети обступали его, сходились в кольцо. Кто-то бросил в него шар, и он уклонился, потом снова и снова, дети подпрыгивали, кричали: «Ну пожалуйста, хоть пять минут!» Он замер, не зная, что делать. Снежные шары летели все чаще, и он перестал уклоняться, просто втянул голову в плечи и зажмурился. Охотники стоят совсем близко, если он сделает что-то не так, сразу заметят. Надо просто потерпеть – детеныши, наверное, так учатся охоте, это просто снег, а не камни, так что ему повезло, и...

– Кажется, он не очень хочет с вами играть, детки, – произнес голос Тиса. – Я видел, в том углу площади начали партию в колесо дракона. Думаю, вам стоит пойти и показать, кто из вас самый быстрый.

Галдеж и шаги унеслись прочь, и Генри открыл глаза. Он вдруг понял, что закрывал голову руками.

– Извини, я увлекся своим возмущением и потерял тебя из виду. Ты очень странный парень, Генри, – грустно сказал Тис. – Но тут оказалось, что ты странный парень в странном мире, так что все в порядке. Послушай, ты ведь знаешь сказку о Сердце волшебства? Нет? Да уж, все будет не так просто, как я думал. Но у нас все получится, ясно? А теперь надо приободриться. Будешь конфету? Ладно, сам съем. – Он развернул блестящую бумажку, сунул под маску круглую штуку и начал жевать.

Больше всего Генри хотелось во весь голос заорать: «Что, что тут вообще происходит?» – но это явно был плохой план. Надо как можно скорее попасть домой и выяснить у отца, зачем он так жутко описывал ему людей.

– У меня там, в лесу, туша кабана валяется... – Генри прокашлялся. – Давайте мы туда вернемся, я вам половину отдам, и вы уйдете.

Тис наклонил свою драконью голову набок. Глаза старика в прорезях маски казались очень добрыми, даже отец никогда так на него не смотрел.

– Я бы правда решил, что ошибся и ты не тот, кто мне нужен, но... Ты же видел в лесу огромного сияющего барса?

А, так вот в чем дело...

– Вы за ним тоже охотитесь? Так я вам его поймаю, и тушу тоже пополам поделим, только верните меня обратно. Мясо у него, думаю, так себе, но если он на вкус, как рысь, то есть вполне можно.

Глаза старика будто стали в два раза больше, и Генри поспешил добавить:

– Шкуру тоже себе возьмете. Ну как, договоримся?

Тис пару секунд стоял, вытаращив на него глаза. Потом медленно сказал:

– Давай-ка пройдемся. Я уже понял, что в мире людей все плохо, но хочу уточнить насколько.

– Знаете, а берите его целиком. Я вам его за полдня изловлю.

Тис со свистом втянул воздух.

– Нам надо поговорить. Когда закончим, верну тебя туда, откуда забрал, по рукам?

– По чьим рукам? – насторожился Генри, продолжая оглядываться во все стороны.

– Что, даже язык у людей изменился? В мое время это значило «договорились».

И с этими словами Тис развернулся и нырнул в толпу. Генри оставалось только брести за ним. Сначала он шарахался от прохожих, а потом перестал – никто не бросался на него, а некоторые кивали или приподнимали шляпу. Он сначала думал, что под шляпами они прячут оружие, но там и вовсе ничего не было. Несколько человек закричали: «Эй, парень, отличная маска!» Генри поежился. С ним творилось что-то странное – как будто все, что он знал о людях, вдруг взяло и перестало работать.

– Ты что, с кем-то тут в ссоре? – на ходу повернулся к нему Тис. – Вид такой, будто так и ищешь, кому бы дать по лицу. Разожми кулаки, Генри. Я уже понял, что, пока меня не было, люди стали как-то грубее. Но ты теперь герой, а герои не опускаются до драки, если можно решить дело словами. И кстати, в следующий раз не стреляй в волшебника, прежде чем он успеет открыть рот.

Генри сделал вид, что не слышал.

Вдоль краев площади теснились разноцветные навесы, и под каждым что-то происходило. Под одним стояло косматое животное – овца, вспомнил Генри. Мужчины зачем-то по очереди пытались оторвать ее от земли, а овца невозмутимо что-то жевала.

– Силачи, не проходите мимо! – кричал человек в маске голубя. – «Подними овцу» – любимое развлечение наших дедов! Помните, Джонни Мощный однажды ее даже подбросил?! Ну, молодец, Остин, выше, выше давай! Чтобы на вытянутых руках!

Мужчина под навесом, пыхтя, подтянул овцу повыше – и уронил на землю. Та издала короткий возмущенный звук, подошла к миске и чем-то захрустела.

– Что ж ты, Остин! Мало пирогов, что ли, съел? Иди подкрепись, за такой подъем я тебе приз не отдам! Ну, следующий! Кто затмит славу Джонни?

– Ну и жуть, – пробормотал Тис. – Разве такие развлечения были в мое время на ярмарках?

– А если я подброшу эту овцу, вы меня отпустите? – на всякий случай попытался Генри, но Тис только застонал и пошел дальше.

Под другим навесом двое неуклюже лупили друг друга, а другие люди подбадривали их криками. Потом был не навес, а что-то странное – дети с чудовищным скрипом толкали большой железный круг с разноцветными железными фигурами лошадей, раскручивали его и вскакивали сверху, – и в голове Генри вдруг вспыхнуло слово «карусель». Он же никогда не видел такой вещи, так откуда он мог знать, что это?

И тут Тис издал радостный вопль, ткнув пальцем в сторону железного круга:

– Я помню мастера, который ее сделал! Такой у него был дар – строить карусели. Над ним даже смеялись, потому что это явно не тот дар, о котором всякий мечтает, – лучше всех делать железных лошадок и круги, на которых они крутятся. Но гляди – прошло триста лет, а она все еще работает! Пошли покатаемся. – И он за рукав потянул Генри к железному кругу.

Тот прикосновение стерпел, даже не отбил руку старика, но и к карусели, ясное дело, не подошел: вдруг это все-таки ловушка.

– Ты какой-то пугливый. Если скажешь, что и каруселей боишься, я тебя превращу в лягушку, – веско сказал Тис.

– А вы можете? – уточнил Генри.

– Несомненно. Залезай. Мне нравится вот эта, гнедая. А ну-ка, ребятки, раскрутите нас получше, старичок триста лет не катался!

Генри, холодея от ужаса, протиснулся мимо детей и сел на большую черную лошадь. Краска на ней облупилась и облезла, понять, что это лошадь, можно было только по форме, но сидеть на ней оказалось неожиданно удобно. Дети засмеялись, показывая на них с Тисом, и начали всей толпой толкать железный круг.

– Спасибо, детки! – бодро сказал Тис, вертя головой во все стороны, как будто пытался смотреть сразу на всех. – А в благодарность я расскажу вам историю про Сердце волшебства, хотите?

– Да! Да! – закричали отовсюду.

Отец всегда говорил: детеныши людей еще злее, чем взрослые, но эти казались безобидными, как щенки. Еще одна ложь. Генри нахмурился.

Тис внимательно посмотрел на него и начал мягким, незнакомым голосом, – как будто каждое слово отмывал, чистил до блеска и уж потом красиво выкладывал в воздухе.

– Даже у величайших из нас есть свои причуды – и самый великий волшебник на свете издавна любил путешествовать в виде барса. Однажды он решил создать королевство, где у людей будет все, что только можно пожелать, – прекрасная природа, огромные богатства, существа, которые будут во всем им помогать. Но самое главное: он подарил первому правителю этого королевства предмет невероятной силы, ценнее которого нет ничего на свете, – его называли Сердцем волшебства.

Карусель крутилась все быстрее. Первые секунды Генри чувствовал себя, как в ловушке, но потом стало лучше, почти приятно. Он посмотрел вверх: бледно-серое небо тоже будто кружилось. Было еще рано, но, как всегда зимой, сумерки притаились глубоко в небе, словно ждали удобного момента, чтобы накрыть все вокруг. Дети смеялись и толкали карусель – и сигнал опасности в его голове вдруг взял и оборвался окончательно. Он почти не слушал Тиса, слишком был потрясен ужасной мыслью: ему здесь нравилось.

– Барс верил: люди становятся счастливыми, когда чувствуют себя особенными. Сердце хранилось в королевском дворце, и его сила наделяла каждого новорожденного особым даром, который проявлялся со временем: делать музыкальные инструменты, или оживлять взглядом цветы, или рисовать, или лечить прикосновением – на каждое дело был свой мастер. И все было хорошо, пока на трон не взошел король Освальд. А теперь, детки, расскажите-ка мне, что было дальше?

– Освальд был злой король! – крикнул один мальчик. – И больше всего на свете боялся умереть.

– Он хотел стать бессмертным, – прибавила девочка с длинными волосами и, пыхтя, подтолкнула карусель.

– И тогда один злой волшебник сказал ему: «Если ты Сердце волшебства тронешь, любое желание исполнится, это же самый сильный предмет в королевстве!»

– Король его тронул и загадал желание, и оно сбылось. Он себя даже мечом ткнул, а рана тут же срослась, он ведь теперь бессмертный был!

Лица детей мелькали мимо, сливались, теперь Генри уже не мог различить, кто что говорит, – голоса неслись сразу со всех сторон.

– Но Сердце после этого ослабело и совсем тусклое стало – и дары у людей ослабели.

– Освальд подумал: «Ну и хорошо, так они меня лучше слушаться будут!» И решил еще одно желание загадать, чтобы Сердце совсем погасло и все навечно бездарными стали. Но тут появился Сивард!

Дети сразу загалдели громче, повторяя это имя.

– Он был герой, и он хотел, чтобы Сердце опять для всех светило, и у каждого был дар. Барс ему подсказал, где Сердце можно спрятать, чтобы Освальд его никогда не смог найти. И Сивард пошел в поход.

– Но Освальд разозлился и послал за ним вдогонку своего лучшего воина, разрушителя, – громко сказала девочка с длинными волосами. – И мой папа говорит: чудовище, которое в нашем лесу живет, такое же, как разрушитель из сказки.

Генри показалось, что ему за ворот насыпали снега. К счастью, никто на него не смотрел, дети беспокойно переглядывались между собой. Они перестали крутить карусель, и мир тут же стал вращаться медленнее.

– Вас, наверное, чудовищем пугают, чтобы вы кашу хорошо ели? – с улыбкой спросил Тис.

– Нет, – неловко сказал мальчик в красной шапке, пиная ногой снег. – Оно настоящее. Мой брат говорит, его сегодня ранили, и оно теперь на нас еще год не нападет.

Генри едва не подавился воздухом. Что за ерунда? Он никогда в жизни не собирался на них нападать. Это они завидуют его дару, поэтому хотят его убить, так отец говорил.

Карусель остановилась совсем.

– Ты, наверное, что-то перепутал, малыш, – фыркнул Тис. – А вы толкайте, толкайте карусель, ребята, – дедушка хочет побыстрее кататься. Разрушитель был только один, в сказке про Сердце волшебства. Таких, как он, больше не было и, надеюсь, не будет.

– А что он сделал? – севшим голосом спросил Генри.

– Он был очень злой, – хмуро сказал мальчик в зеленой шапке с острым верхом. – Что ни тронет, оно в золу превращается. Мама говорит, если я не буду мыть руки перед едой, он ночью ко мне заберется и напугает.

Генри сжал зубы. Так люди, получается, выдумали целую историю, только чтобы оправдать свою зависть к его дару! Якобы он такой же, как тот выдуманный тип, и поэтому его надо убить. Очень смешно. Да его дар – мечта любого охотника, он ему жизнь много раз спасал!

– Сивард успел спрятать Сердце, но тут его догнал разрушитель, у них была битва, и они смертельно друг друга ранили, и оба погибли, – неуверенно сказал мальчик в красной шапке и слегка подтолкнул карусель.

– И дары у всех совсем исчезли. Потому что Сердце теперь было так запрятано, что его волшебство до людей не долетало. И все волшебные существа тоже спрятались: и волшебники, и русалки, и Худое Пальтишко, и даже Барс, и никто их больше не видел.

– Зато Освальда прогнали из дворца, и он больше не был королем, – довольным голосом сказал мальчик в маске лосенка.

– Но только Сивард и Барс знали, где Сердце спрятано. Сивард умер, а Барс больше не появлялся. И даров у людей больше никогда не было. Конец, – вздохнула девочка с длинными волосами.

– Нет-нет, не конец! – Тис важно поднял палец. – Помните, детки, что Сивард перед смертью сказал?

– «Однажды эта игра продолжится!» – перекидывая друг друга, завопили дети, и настроение у них тут же исправилось.

– Точно! – Тис выпрямился во весь рост, потом вспомнил, что он все еще на лошади, слез с нее и выпрямился еще раз. – А теперь я вам открою секрет, хотите? Этот день настал! Барс указал наследника Сиварда, который найдет Сердце, и он – из вашей деревни! Здорово, правда? Ваша деревня прославится как родина героя, так что давайте крикнем: «Ура!» Должен же я это хоть от кого-то сегодня услышать!

Дети нерешительно переглянулись.

– Это же сказка, – наконец сказал мальчик в красной шапке. – Не было на самом деле никакого Сердца.

– Что?! – заорал Тис и стукнул кулаком по ближайшей железной лошади. – Сказка? Да я сам там был!

– Дед, ты что детей пугаешь? – уныло сказал какой-то мужчина, подходя к карусели. – А ну-ка иди отсюда.

– Пугаю? Да я волшебник! Моя работа – веселить детей! Не верите? Я вам сейчас покажу, смотрите...

Но прежде чем он успел закончить, мужчина толкнул его с такой силой, что Тис отлетел на пару шагов и сел в снег. Генри подскочил к нему и зачем-то поднял – старик с головой дракона выглядел нелепо, сидя на снегу, он будто поверить не мог, что его толкнули. А мужчина уже повернулся к детям.

– Пошли отсюда! – рявкнул он. – Покатались, и хватит, эта штука уже старая, а имущество беречь надо.

– Я, наверное, разучился с детьми разговаривать, – глухо пробормотал Тис из-под маски. – Хорошо хоть, они мою дурацкую бороду не видели. – Он медленно повернулся к Генри, и тот увидел, что глаза старика в прорезях маски как-то странно, влажно блестят. – Можешь себе представить? Они думают, это сказка.

Генри был уже почти готов сказать, что обо всем этом думает он сам, когда неподалеку раздались громкие крики. Он напрягся, хватаясь одной рукой за лук, а второй за нож – по ходу драки решит, как лучше отбиваться, – но вдруг понял, что крики радостные, а не злобные.

Люди смеялись. Этот звук был таким веселым, от него словно воздух звенел, и Генри пошел туда. Он спиной чувствовал, что Тис идет за ним, продолжая ворчать. Еще час назад он скорее во ткнул бы нож в самого себя, чем повернулся спиной к человеку, но приходилось признать: если б Тис хотел его убить, давно бы уже это сделал. Эта мысль была такой странной, угловатой, будто не помещалась в голове, и Генри решил, что пока лучше вообще ни о чем не думать. Успеет.

В том углу площади, куда они пришли, стояла покосившаяся повозка с привязанной к ней и тоже словно бы покосившейся лошадью, а на повозке, тоже слегка накренившись, стоял человек в маске лиса. Над маской торчали рыжие волосы.

– А теперь мне нужен один доброволец из толпы. Идите сюда, красавица.

Он протянул руку, и девушка в маске цапли, уцепившись за нее, поднялась на повозку, едва не уронив рыжего парня, – она весила раза в три больше его. Люди опять засмеялись.

– Милая леди, расстегните шубу и покажите, какое у вас под ней платье. – Девушка-цапля застенчиво расстегнула верхнюю пуговицу шубы и вытянула наружу уголок чего-то серого. –

Не очень праздничное, но мы это исправим! Сейчас я попрошу вас всех, драгоценные зрители, хлопать в ладоши и считать вместе со мной до пяти. Уверяю вас: через пять ваших хлопков на этой дивной леди по волшебству окажется ослепительное платье! Вы готовы? Сейчас я закрою ее волшебной ширмой превращений! Раз, два...

И он с головой накрыл девушку чем-то похожим на каркас из проволоки, обтянутый тканью.

– Три, четыре, пять! – досчитали все вокруг, хлопая в ладоши, и рыжий человек поднял ширму.

Девушка была по-прежнему в маске, но теперь на ней было обтрепанное ярко-красное платье. Генри сдавленно выдохнул. Даже после всех приключений сегодняшнего дня это показалось ему невероятным.

– Благодарю, благодарю, господа! Волшебство все еще с нами! – бодро закричал рыжий, раскланиваясь во все стороны. У него был такой задорный, веселый голос, будто созданный, чтобы заставлять людей смеяться.

Тис застонал, вцепившись в торчащий из-под маски край бороды.

– Волшебство? Да они в сговоре, и на ней уже было платье, под этой серой тряпкой! И вот это волшебство? Да триста лет назад этого прохвоста бы гнилыми сливами закидали! А они ему хлопают! Я вот могу сделать так, чтобы прекрасное платье появилось на всех, кто тут есть, за одну секунду. Раз!

Тис щелкнул пальцами, и над толпой пронесся нестройный, перепуганный вопль. Все, кто стоял вокруг повозки, теперь были в платьях: мужчины, женщины, дети, рыжий человек с головой лиса и даже лошадь. Люди вокруг так смешно вопили, сталкивались и хватали друг друга за плечи, что Генри почувствовал: у него тоже что-то непонятное начинает происходить с лицом.

– О, вот ты и улыбнулся, по глазам вижу! Для этого и нужно настоящее волшебство. Ладно, не буду портить их убогий праздник. – Тис щелкнул пальцами еще раз, и одежда на всех стала, какой была. – Вообще-то щелкать не обязательно. Это так, для красоты жеста. На самом деле я просто мысленно призываю вещи из собственного хранилища.

– Да, да, это мой новый волшебный трюк! Готов поспорить, такого волшебства вы еще не видели! – крикнул рыжий человек, крепко вцепившись в собственную куртку, будто боялся, что она опять исчезнет. – А теперь еще немного волшебных превращений и появлений! Кстати, господин в первом ряду, что это у вас торчит из кармана? Это, случайно, не чучело голубя?

Человек в первом ряду и правда достал из кармана чучело голубя и замахал им в воздухе, крича: «И откуда оно тут взялось?» Все вокруг засмеялись, а Тис поморщился:

– Скучно. К тому же этот мальчишка злоупотребляет словом «волшебный». Пошли отсюда.

Генри бы не отказался посмотреть еще, но Тис уже несея вдоль прилавков, расталкивая людей. Генри едва его догнал.

– Давайте кое-что выясним, ладно? – на ходу начал он. – Что вам от меня нужно?

– Я же сказал, Генри. Чтобы ты вернул людям Сердце.

– Да, это я уже понял. Что вам на самом деле надо?

– Слушай. – Тис вдруг развернулся и взял его за плечи. Генри стерпел. – В тот раз никто не выиграл, можешь это понять? Когда Сивард умер, дела в этом королевстве пошли совсем плохо, и все волшебники и волшебные существа попрятались. Лично я лег спать, а сегодня утром мне явился Барс. Он сказал, что Освальд уже выбрал своего воина и есть только один человек, который способен победить его и вернуть людям Сердце. И сказал, где его искать.

– Так, может, вам уже пора за ним, а мне домой?

Но Тис продолжал смотреть на него, и до Генри дошло.

– Хотите сказать, что это я и есть? Слушайте, что за глупость? Вы серьезно мне хотите сказать, что увидели во сне говорящего зверя, а я из-за этого должен куда-то там идти?

– Наконец ты уловил суть! Ну как, готов к приключениям?

Кажется, по взгляду Генри старик понял, что именно он обо всем этом думает, потому что махнул рукой и опять помчался вдоль прилавков, ловко огибая прохожих.

– Тогда, думаю, надо перекусить. Переговоры всегда лучше идут после хорошего чаепития. Куда делись все скриплеры? Они же всегда разливали чай на ярмарках Зимнего дня! Ладно, попробуем, на что способны люди. Какие пироги ты любишь?

– Что такое «пироги»?

– Ну ты и шутник. Так, мне нужна монета. Люди после потери Сердца стали такими жадными, раньше на ярмарках все раздавали бесплатно, а теперь требуют монеты, можешь себе представить! Денег у меня с собой нет, но...

Он достал нечто блестящее и круглое прямо из воздуха, и у Генри опять что-то произошло с губами, они будто растягивались в стороны против его воли.

Тис засмеялся:

– Стой тут, сейчас приду. Я уже понял, толкотню ты не любишь.

Генри послушно застыл у стены кривого, почерневшего от времени дома, размышляя, что лучше: сбежать или дальше уговаривать старика вернуть его на место, и тут почувствовал, что кто-то смотрит ему прямо в затылок. Он обернулся и успел заметить человека, который тут же спрятался за чьей-то спиной. Странно было то, что его маска, единственная на всей ярмарке, не была звериной: она была железная, с прорезями для глаз.

– А вот и я. Взял разных – с вишней, марципаном и яблочным джемом. Пошли, вон скамейка. И возьми свой земляничный чай, пока я его не пролил. Кружка просто ужасная. Разве из таких пили раньше! А в залог, что я ее верну, с меня еще одну монету взяли! Куда катится мир!

Они сели на скамейку у входа в один из домов.

– Пироги – ерунда, – мрачно сказал Тис, подсовывая куски под маску. – То ли дело раньше! А ты почему не ешь? Перед походом надо подкрепиться!

Генри пожал плечами. Чтобы он прикоснулся к еде людей? Нет, это уж слишком. Вдруг в этом и состоит их план: отравить его, а старик просто отвлекал внимание. Станный план, конечно, но...

– Ладно, как хочешь, – вздохнул Тис. – Сам доем.

Он быстро закинул остатки в рот, зевнул и прислонился головой к стене дома.

– Сивард на своем пути прошел семь испытаний, – опять затянул старик. – Барс хочет, чтобы ты сделал то же самое. Он передал тебе подсказку, как найти место первого испытания. Все просто: пройдешь все семь и узнаешь, где спрятано Сердце. Достанешь его из тайника, и оно снова будет светить для всех. Вот подсказка, запоминай: «Дом тебе укажет путь. Чтобы поиск продолжать, надо головой рискнуть: здесь ее легко сломать».

– Чего?

Тис пожал плечами и зевнул.

– Такие вещи только люди умели отгадывать, а я просто волшебник. Но я уверен, ты справишься.

Генри поставил свою кружку на скамейку и встал с чувством странного, незнакомого сожаления. Пора было со всем этим заканчивать. Старик, кажется, принимал всю эту историю слишком близко к сердцу и оставлять его в покое не собирался.

– Слушайте, вы сказали, что вернете меня назад, когда мы поговорим. Я вас послушал, а теперь хочу обратно в лес.

– Подожди, я же тебе все объяснил! Ты будешь новым Сивардом, Генри. Это огромная честь, и, раз Барс тебя выбрал, ты должен идти.

– С чего? Это все как-то глупо.

– Спасти свою землю от убожества и разрушения – глупо? Что ты за парень такой! – Тис ударил себя по коленям. – Да любой в твоём возрасте мечтает совершить подвиг, тебе этот подвиг на блюде приносят, и ты отказываешься? Отличного героя Барс выбрал! Я начинаю думать: может, он тоже за эти триста лет с ума сошёл? А ну стой, куда пошёл? Сядь обратно. Сам знаешь – от меня не сбежишь.

Генри крепче сжал на плече лук и наклонил вперед голову, как лоси перед атакой, но Тис вдруг засмеялся:

– Тебе кажется, что у тебя угрожающий вид? Позволь разочаровать, дитя мое, – ты один из наименее страшных людей, каких я встречал за свою долгую жизнь. И знаешь что? – Тис шагнул ближе. – В глубине души ты не хочешь отсюда уходить. Я все уже понял: с тобой случилось что-то плохое, и после этого ты боишься людей. Но все дело в том, что на самом деле они тебе нравятся.

– Неправда.

– Правда, Генри. А теперь сядь на эту уродливую, криво сколоченную скамейку. Вот раньше были скамейки! – Тис зевнул, голос его стал совсем смазанным, сонным. – Мы будем тут сидеть, пока ты не согласишься идти в поход.

– Я не соглашусь, – огрызнулся Генри, но Тис посмотрел на него так, что он сел.

– Люди в среднем живут по семьдесят лет, а волшебники дотягивают и до тысячи. Кажется, я знаю, кто сдастся первым.

Генри отвернулся от старика и уставился на беспокойную, ни на секунду не останавливающуюся толпу. Хуже всего было то, что старик был прав: ему тут нравилось. Но почему тот никак не может объяснить, чего ему на самом деле надо? Генри повернулся, чтобы спросить еще раз, и понял, что старик спит, прислонившись затылком к стене.

Может, разбудить и послушать его странную историю еще раз? Но скоро закат, отец будет ждать его с охоты. Если он успеет уйти достаточно далеко, старик, может, его и не найдет. На секунду Генри почувствовал острую, непонятную грусть и, чтобы не думать о ней, встал и, засунув руки в карманы, пошел прочь.

Глава 2

Человек с железным лицом

Пять минут спустя Генри стоял посреди площади, вертя головой, как сова, высматривающая мышь. Оказалось, сюда ведет далеко не одна улица, их много – и по какой ему идти, чтобы попасть домой? Все одинаковые. Люди толкали его на ходу, и он никак не мог сосредоточиться, к тому же ему по-прежнему казалось, что за ним наблюдают, но, сколько он ни оглядывался, человека в железной маске больше не видел.

– ...Не нужны нам тут посланники! Пожалуйста, мистер Прайд, как доброго человека вас прошу – не надо вызывать! – сказал один прохожий другому.

Генри замер: у обоих прохожих правая рука была на перевязи.

– Я же отличное решение предлагаю! – продолжал толстяк в маске кабана. – Мы просто всей деревней соберемся и убьем его, а вы уедете отсюда и сделаете вид, что не приезжали. Если посланников вызовете, вы подумайте, какой удар для доброго имени нашей деревни! Нас на все королевство ославят!

Генри пошел за ними, стараясь держаться у толстяка за плечом. Это как на охоте: когда видишь дичь, больше ни на что отвлекаться нельзя.

– Никто никого убивать не будет, – сердито сказал кудрявый человек в маске оленя. – Его надо отвезти во дворец. Как вы не понимаете – даже если он и есть тот самый, нельзя же убивать только за это! Он ведь никому зла не сделал, к тому же он единственный человек в королевстве, у которого, по непонятной пока причине, есть дар – пусть плохой, но...

– Да он же взбесился! Он нас чуть не убил!

– О нет. Слушайте, я уже говорил: раны чистые, аккуратные, даже крови было мало. Стрела не попала ни в мышцы, ни в кость, вошла неглубоко. И главное: у нас обоих раны совершенно одинаковые. Вы понимаете, что это значит?

– Что он бешеная зверюга, которая за три секунды чуть не прикончила сразу двоих?

– Нет. То, что он отличный стрелок. Если б он хотел нас убить, он бы убил. Я мог поговорить с ним, все выяснить по-человечески, а повел себя, как последний болван, и упустил шанс. Надо было слушать Джетта.

Толстяк беспокойно, натянуто рассмеялся:

– Это кто? Грязное, хромое отродье, которое требует с меня три медяка за ущерб, нанесенный его полудохлой кляче?

– Слушайте. – Кудрявый остановился так резко, что Генри едва не влетел в него, но вовремя сделал вид, что разглядывает какой-то прилавок. Оказалось, спрятаться в толпе куда легче, чем он думал. – Я знаю, что вы попрятали почтовых птиц со всей деревни.

– Не нужны нам тут посланники, – вкрадчивым, будто размякшим голосом сказал толстяк. – Вы чего, не понимаете? Мы десять лет от королевского совета скрывали, что этот негодяй тут обитает. Они наверняка меня за это с поста старейшины сместят. Давайте так сделаем: я вам дам пять фунтов лучшей оленины, а вы уедете и забудете про нас.

– Да вы что?

– Десять фунтов.

– Как вам такое в голову пришло?

– Понимаю. Пятнадцать.

– Послушайте, Йенс, я не отступлюсь.

– Ясно. Простите. Двадцать пять фунтов и шапку из северной лисы.

– Да наплевать мне на вашу оленину! – рывкнул кудрявый так, что люди вокруг начали оборачиваться. – Мне надо найти юношу и камни! Где, кстати, ваш племянник, которого вы послали за ларцом с камнями?

– Господин посланник, малец говорит, пока он прибежал, там уже не было никакого ларца. Точно вам говорю: ваш ящичек или рыжий калека к рукам прибрал, или нелюдь.

Кудрявый еле слышно застонал:

– Говорил же он мне – держать камни крепче! Какой же я идиот. Так, я в последний раз спрашиваю: вы мне дадите почтовых птиц, чтобы вызвать отряд?

– Нет, господин посланник. И лучше б вам согласиться на оленину, честное слово. – Теперь толстяк говорил совсем тихо, Генри едва различал слова. – Вы ведь далеко на севере, и совсем один, а нас – целая деревня. Нам надо, чтобы все шито-крыто было, понимаете? Мы все вместе соберемся завтра утром и прикончим нелюдя, и папаша его ничего нам не делает! Парень сам нарушил условия сделки, напал на людей. Сейчас зима, тело мы спрячем, и даже если вы потом вызовете своих, никто в вашу историю не поверит. А до этого, мой вам совет: веселитесь, наслаждайтесь праздником и не думайте об этой истории.

– Вы мне что, угрожаете?

– Я дружески предупреждаю. Вы ведь такой молодой. Вам надо домой, к семье, живым и невредимым. А оленина хорошая. – Толстяк наклонился ближе к его уху: – Пожалеете, если не возьмете.

Кудрявый собирался что-то ответить и вдруг вскинул голову, как зверь, который почуял добычу. Генри уже приготовился прятаться, но кудрявый повернулся совсем в другую сторону.

– Что это за звук?

– А, это, – с облегчением махнул рукой толстяк. – Это у нас старинный предмет на ярмарке разыгрывают. Хотите посмотреть?

Кудрявый тут же рванул в ту сторону толстяк не отставал ни на шаг, и Генри заспешил за ними. Он все решит. Подберется ближе и дослушает, что они хотят сделать, все будет хорошо, он все сделает, все будет...

Генри сглотнул. Толпа перед прилавком, куда они пришли, на добрую половину состояла из охотников в белых полушубках.

– Итак, напоминаю для тех, кто только что подошел. Главный конкурс нашей ярмарки, – говорил человек в маске ястреба. – Вы все знаете: три дня назад скончалась старая госпожа Торвальдсон, мир ее праху. Она всю жизнь хранила старинный предмет. Для чего он нужен, никто уже понятия не имеет, но вещь на вид дорогущая. Детей у старушки не было, и она завещала разыграть предмет на нашей ярмарке – он достанется лучшему стрелку. Она верила, что чудовище, живущее в наших лесах, надо не просто пугать раз в год, его надо убить, пока оно не убило нас. Кто согласен со старушкой?

Мужчины в толпе заорали, вскидывая вверх кулаки. Генри поежился.

– Уверен, однажды это кому-то удастся. А пока что покажите свое искусство здесь! Кто попадет стрелой вон в тот флюгер на крыше, получит приз!

В воздухе стоял странный звон чего-то тонкого и стеклянного, и этот звук добрался до сознания Генри даже сквозь страх. Он на секунду перестал следить за кудрявым и посмотрел туда, куда глядели все. На столе стояло небольшое стеклянное дерево со стеклянными же цветами. Генри в жизни не думал, что бывают предметы такой красоты. От ветра цветы постукивали друг о друга и звенели на разные голоса. Потом Генри понял, что ветра не было.

Охотники в белых полушубках со смехом толкали друг друга в бока, потом один взял со стола лук и выстрелил в сторону здания, на котором зачем-то торчал железный петушок. Стрела перелетела через крышу. Генри бесшумно фыркнул и расправил плечи. Если они так стреляют, неудивительно, что он все еще жив. Он выкарабкается из этой истории, вернется в лес, отец ему все объяснит, и все будет хорошо, как раньше. Все будет в порядке.

Он как раз успел повторить это себе раза четыре, когда услышал за гомоном и криками мужчин странный для такого места звук: тихий плач – так скулят детеныши животных, когда хотят есть. Генри завертел головой и увидел: неподалеку на крыльце дома сидела девочка, еще маленькая, ростом едва ли ему по пояс. Остальные дети были в масках, а у этой на лице просто были нарисованы углем усы и крапинки, что-то похожее на морду маленькой рыси. Точнее, можно было догадаться, что раньше так и было: девочка вытирала кулаком слезы, размазывая их по лицу вместе с углем.

Как-то это странно... Генри убедился, что кудрявый и толстяк по-прежнему на месте, и протолкнулся через толпу к крыльцу. Он любил издали наблюдать за животными и знал: если детеныш скулит, а взрослые особи поблизости, они начинают его утешать, облизывать, искать ему еду. Но что-то было непохоже, чтобы этого детеныша кто-то собирался кормить. Судя по тому, что от слез промок даже воротник куртки, девочка сидела так уже довольно долго.

Генри подошел ближе и остановился перед ней. Пошел снег – первые легкие хлопья замельтешили в воздухе.

– Твои родители ушли за добычей и скоро вернутся? – спросил он, стараясь не слушать голос отца, который орал ему в ухо: «Что, что ты делаешь?»

Они вечно из-за этого ссорились. Если Генри находил звериных детенышей, у которых умерли родители – от его стрелы или от драки с собственными врагами, – он начинал подбрасывать им еду: вдруг выживут. Отец говорил: если они такие слабые, что сдохнут, то туда им и дорога, но Генри думал: они же маленькие, а драка должна быть равной. Когда они вырастут, он с ними сразится, вот тогда это будет честно.

Девочка посмотрела на него опухшими глазами и покачала головой.

– Ты хочешь есть? – уточнил Генри. Та опять покачала головой. – А что тогда?

Она ткнула пальцем в сторону прилавка, вокруг которого охотники свистели, подбадривали друг друга и сыпали стрелами в сторону железного петушка.

– Я просила папу его выиграть. Он хорошо стреляет, даже два раза чудовище ранил. А он сказал, что приз не для таких бедняков, как мы, и что господин старейшина все равно отнимет. – Она всхлипнула, сильнее размазывая уголь по лицу.

– Ты хочешь эту стеклянную штуку? – переспросил Генри. – И из-за этого плачешь?

Лицо у девочки скривилось, и она заревела с новой силой. Генри беспомощно огляделся. Да где ее родичи? Но никто не подходил.

Генри посмотрел на охотников. Они в петушка так и не попали, это их явно злило, и он вдруг почувствовал, как по лицу расползается улыбка. В конце концов, он же всю жизнь мечтал показать людям, что сильнее их. Это ведь займет всего минуту. Отец вечно твердил, что опасно приближаться к людям, но оказалось, отец врал, так что не страшно. Генри снял с плеча лук, вытащил стрелу – и в следующую секунду железный петушок свалился с крыши со стрелой в гребне.

На секунду стало очень тихо – и тишина была угрожающей. Все повернулись к Генри, и он только успел подумать, что, кажется, сделал ужасную, чудовищную глупость, но тут все засвистели, захлопали руками, и Генри понял: они не сердятся.

– Э, парень-то не промах! Вот ловкач! Зак, это ты, что ли? Не узнал тебя! – закричали отовсюду. – Молодец, Зак! Ну, ты даешь!

Генри ухмыльнулся. Его распирала такая самодовольная радость, какой он в жизни не чувствовал, даже когда ловил самых крупных зверей.

– Ого! – присвистнул Ястреб, бережно поднял стеклянное дерево и протянул ему. – Держи приз, заслужил. И желаю тебе в наступающем году убить чудовище! Джонни, это ты, что ли? Не узнал.

Генри на всякий случай кивнул, взял деревце – от его движения цветы загорелись ярче, зазвенели мягко и странно – и протянул девочке: та шла за ним как привязанная.

– И вытри снегом лицо, оно все грязное, – посоветовал он.

Девочка посмотрела на него так, будто он только что на ее глазах убил самого огромного кабана в лесу и принес ей тушу.

– Спасибо, – охрипшим от слез голосом сказала она, одной рукой прижала дерево к себе, а второй вдруг обняла его за колено.

Генри улыбнулся, выискивая взглядом кудрявого. Хватит развлекаться, пора переходить к делу.

– Ты что, парень, совсем дурной? – К ним протолкнулся хмурый мужчина в маске ворона. – Зачем приз такой дорожный моей грязнule отдал? Ну ладно, если отдал, и прав на него не будешь предъявлять, то и спасибо. Где там этот посланник? Они ж за такие штуки кучу денег отваливают! Эй! Идите сюда! – Он вырвал деревце из рук у девочки и потряс им над головой. – Сколько дадите?

Девочка опять начала издавать грустные звуки, и Генри аккуратно выдернул дерево из рук мужчины, дал ей и хотел было отойти, но тут хмурый схватил его за плечо, второй рукой опять выхватывая дерево.

– Ты чего расправляешься? Сам сказал – не будешь права предъявлять, вот и вали отсюда.

Генри медленно обернулся. Вот этот человек был похож на тех, которых описывал отец.

– Верни ей эту штуку. Она скулит.

– Тебе какое дело? Сэм, это ты, что ли? – Хмурый дернул рукой в сторону Генри, пытаясь снять маску, но тот, конечно, успел отклониться в сторону. Голос осторожности твердил ему: «Замолчи и скрывайся». Но что-то другое, похожее на охотничий азарт, кричало: «Давай, давай, покажи им, если надо – подерись, ты ведь ничем не хуже их, так пусть они это знают».

Узнать, какой из голосов победит, Генри не успел: кудрявый, который все это время стоял неподалеку, подошел к ним.

– Наконец-то явились! – проворчал хмурый. – Сколько дадите за эту штуку?

– Нисколько. Юноша прав – он отдал приз ей, а не вам. – Кудрявый кивнул Генри и опять повернулся к хмурому.

А толпа тем временем, поняв, что развлечение теперь здесь, собралась вокруг них. Голос осторожности в голове Генри застонал.

– У каждого должен быть хоть один предмет, который не продается. – Кудрявый вытащил из руки хмурого дерево и протянул девочке: – Береги подарок, детка. Отнимут – вызывай меня.

Все вокруг застыли, и по их позам Генри понял: они чем-то поражены, хотя чем, он понятия не имел.

– Сумасшедший посланник, – прошептали рядом.

– Не такой уж и сумасшедший, – громко сказал кудрявый и выпрямился. – А теперь прошу всех вернуться к развлечениям и поздравляю с Зимним днем. Желаю вам в наступающем году выбрать себе другого старейшину. Ваш грозился убить меня, а это, как вы понимаете, преступление, и я доложу о нем в столице. Но я уверен: эта идея принадлежала только ему, а вы все не имеете к ней отношения.

Стало очень тихо, и в этой тишине ясно разнесся стон толстяка:

– Ах ты хитрый мерзавец. Э, да вы чего, ребята! Он же нас опозорить хотел!

Толпа рассерженно зарокотала и повернулась к нему, и Генри понял по их позам, по наклоненным головам – они серьезно разозлились на вожака своей стаи.

– Кстати, я вас сразу узнал и по глазам, и по стрельбе. – Кудрявый посмотрел прямо на Генри, и сердце у того медленно поползло вниз. – Уделите мне пять минут?

Он протянул Генри правую руку со сжатыми пальцами, и тот отшатнулся: вдруг это прием драки? Но кудрявый сразу убрал руку. Издалека доносилась ссора старейшины с людьми, а на них больше никто не обращал внимания. Правда, девочка так и стояла, привалившись головой к его колену – отец, кажется, про нее забыл, – но от нее вряд ли можно ждать вреда.

– Не бойтесь, у меня нет с собой ни оружия, ни наручников. Я просто хочу поговорить. Они ведь не врали, верно? Вы можете уничтожать предметы прикосновением.

Генри настороженно смотрел на него. Глаза у кудрявого были добрые. И он отдал девочке дерево. И пока не нападал. Генри мельком оглядел его полушубок: кажется, карманы и правда были пусты.

– Но знаете, чего я не понимаю? Наследник разрушителя должен быть абсолютным злом, ну, так я всегда представлял. Но вы нас не убили и отдали ребенку свой приз.

Кудрявый вдруг стянул маску и запустил руку в волосы. У него было бледное, взволнованное лицо.

– Понимаете, что-то странное творится, – сказал он. Он говорил с Генри так спокойно, будто они давно знакомы. Так же говорил рыжий человек на дороге. – Два парня из этой деревни утверждают, что видели Барса, но что-то не похожи они на избранных воинов. – Он с сомнением посмотрел туда, откуда доносились крики: «Пап! Чего все на тебя сердятся?»

– Так он правда не просто зверь? Слушайте, я с ним ничего не делал. Мы с ним просто прятались в одном и том же месте. Я в него не стрелял, – торопливо объяснил Генри. Не хватало еще, чтобы они сказали, что он и тут виноват.

Кудрявый повернулся к нему так медленно, будто у него все кости примерзли друг к другу.

– Что? Повторите, что вы сказали?

– Я его хотел догнать, побежал за ним, но даже выстрелить не успел – он куда-то исчез, а я из-за него на вас напоролся.

Кудрявый тяжело сглотнул.

– В сказках Барс всегда приводил героя к тем, кто может ему помочь, – сдавленно пробормотал он, во все глаза глядя на Генри. – Провалиться мне сквозь землю.

Кудрявый продолжал на него странно смотреть, как будто ждал, что Генри сейчас закричит что-то вроде: «О, не может быть, теперь-то я все понял!», но Генри только терпеливо спросил:

– Так в чем проблема-то?

– Да уж, такой сказки у нас еще не было.

Генри застонал и чуть не прижал ладонь к лицу, но вовремя вспомнил про маску.

– Слушайте, да объясните мне, наконец, в чем дело!

И в эту минуту, словно в ответ на его вопрос, над площадью разнесся голос, такой громкий, глухой и странный, что все обернулись.

– Господа и дамы! Прошу минутку внимания.

На повозку, где выступал рыжий фокусник, залез человек в темно-лиловом плаще с капюшоном. Лицо его было закрыто железной маской.

– Эй, приятель, это моя повозка, если ты не заметил! – Рыжий фокусник стянул с головы маску лиса. Вид у него был рассерженный. – Хочешь свои фокусы показывать – ищи другое место.

– Слезь отсюда, – сказал человек с железным лицом.

И что-то такое было в его голосе, что у Генри волосы на затылке встали дыбом. Он знал это чувство. Угроза. Опасность.

Рыжий, кажется, это чувство тоже знал.

– Да, приятель, добро пожаловать на мою повозку. А я пойду поем, хорошего тебе представления, – быстро сказал он и торопливо, приволакивая ногу, слез на землю.

Теперь на повозке с надписью: «Лучший фокус, какой вы видели» стоял только человек в плаще. Но тут над площадью разнесся возмущенный вопль, и в следующую секунду на повозке было уже два человека. Все на площади, кроме Генри, потрясенно ахнули и забили ладонями: Генри уже понял, что у людей это знак одобрения.

– Ах ты подлец! – рявкнул Тис и сорвал с себя маску. Генри даже не представлял, что старик может быть в такой ярости. – Думаешь, я не знаю, почему ты здесь? Избранный под моей защитой, Освальд. Ты ему ничего не сделаешь. А вы прекратите хлопать, все серьезно!

Люди захлопали сильнее, и Тис побагровел так, будто в горле у него застряла рыбная кость.

– Ну что ты, в твоём возрасте не стоит так волноваться, – спокойно сказал человек с железным лицом. – Меня не волнует, кого там выбрал Барс. Я про них уже слышал, и знаешь, с такими героями вы далеко не уйдёте. Я пришел за своим новым воином – имею полное право, разве нет? Его хорошо спрятали, но глупо было думать, что я не найду того, кто унаследовал силу разрушителя.

– Что ж раньше не нашел? – перебил Тис.

– Сам знаешь, на детей магия поиска не действует. Но вчера ему исполнилось шестнадцать, так что...

Тис растерянно нахмурился и потер бороду.

– Уверен, что не ошибся? Не могут оба быть из одной деревни.

– Ему покорился огненный камень. – Человек с железным лицом, которого Тис назвал Освальдом, пожал плечами и ткнул пальцем прямо в сторону Генри. – Он стоит вон там. Юноша в белом полушубке и маске льва.

Вот тогда и надо было бежать. Надо было хоть что-то сделать, но Генри не сдвинулся с места, потому что поймал взгляд Тиса. Тот смотрел на него застывшим, потрясенным взглядом, будто Генри – невиданный зверь, который сейчас разорвет его на клочки, и сердце у Генри так противно сжалось, что он, как последний идиот, пропустил момент: чья-то рука из толпы сорвала с него маску, и в ту же секунду раздался сдавленный, потрясенный крик толстяка:

– Это же... Это он! Нелюдь! Прямо здесь!

Отголоски его крика прошлестели по плотно сбитой толпе, и все маски медленно повернулись к Генри.

– Молчать! – вдруг рявкнул человек с железным лицом, и что-то такое было в его голосе – он остановил бы даже стаю волков.

Все замолчали. Снег шел все чаще и чаще, большие мягкие хлопья подпрыгивали и кружились в воздухе легко, как пепел.

– Так вот оно что, – протянул Освальд и переплел пальцы рук. Даже перчатки у него были обшиты железными пластинами. – Значит, вот что Барс придумал. Решил выбрать моего наследника, чтобы тот сражался на его стороне. По какому же это праву? – Железная маска повернулась прямо к Генри, и Освальд вытянул вперед руку: – Пойдем, Генри. Не слушай старика. Он трус, ничего хорошего от него не жди. Все просто: ты поможешь мне уничтожить Сердце, а я за это дам тебе такую власть, о какой ты и мечтать не мог. Используешь свой дар в полную силу. Я ведь знаю: это доставляет тебе удовольствие. Всех этих людей ты поставишь на колени. Никто тебя больше не тронет, никто не обидит. Пойдем.

Генри не двинулся. Ему не хотелось никого ставить на колени.

– С ума сойти, – вдруг произнес звонкий, громкий голос. Генри покосился в сторону: рыжий парень протиснулся через толпу и встал рядом с ним. – Слушайте, какое представление! Появления из ниоткуда! Костюмы! И тексты такие красивые! Умоляю, возьмите меня к себе в труппу, я на вас бесплатно буду работать. Замолвишь за меня словечко, приятель? – Парень приложил руку к груди, и даже сквозь панику Генри чуть не засмеялся. Тот смотрел на него с той же надеждой, что и девочка, которая по-прежнему стояла рядом.

– Барс хочет перетянуть тебя на свою сторону, потому что боится тебя и твоей силы. – Освальд сухо рассмеялся. – Не обманывайся, ты никогда не станешь героем людей. Им нужен другой герой – безупречный, приторно-добрый. Нельзя изменить то, каким ты родился, так что выбери свою сторону с умом, Генри. Ты ведь охотник, ты знаешь: сила всегда побеждает. Подойди.

Генри коротко поглядел на всех вокруг. Рыжий парень поймал его взгляд и поднял вверх большой палец – улыбка у него была во все лицо. Девочка по-прежнему прижималась к его колену. Кудрявый смотрел с надеждой, он как будто что-то молча хотел сказать ему. Эти трое почему-то не боялись его, даже зная, кто он такой, – и ему вдруг стало легче. С места он так и не двинулся.

И Освальд опустил руку.

– Ты об этом пожалеешь. – Он хрипло втянул воздух. – Какая милая деревня. И какая жалость, что скоро она сгорит! – Его голос взвился вверх, заволашевающий и странный, его невозможно было не слушать, он будто проникал прямо в голову. – Жители Хейверхилла, хватайте его! Он пришел сюда убить вас и ваших детей! Уничтожить ваше имущество! И я говорю вам: избавьтесь от него! Кстати, посланников я тоже вызвал, но думаю, вам захочется разобраться до их приезда.

И в ту же секунду все вокруг будто очнулись.

Снег валил крупными, частыми хлопьями, так что Генри уже не различал лиц – просто что-то разноцветно-белое, беспокойно движущееся на месте. От нескольких ударов он успел уклониться, но тут кто-то бросился на него сзади, и Генри рухнул лицом вниз, сбив пару человек с ног. «Ты трогал мою дочь, тварь, ты убить ее хотел!» – закричали ему в ухо. Генри ударил локтем назад, перекатился и вскочил на ноги, и хмурый бросился на него снова. На этот раз Генри был готов, он ушел от удара и врезал в ответ. Хмурый отшатнулся, но тут же снова бросился в драку яростно и неумело. Вокруг взревели, будто заражаясь его яростью, и Генри вздохнул. Сами напросились.

Он успел отшвырнуть от себя человек пятнадцать, когда его ударили по голове чем-то тяжелым с такой силой, что на секунду все вокруг потемнело, а когда прояснилось, он лежал, вжимаясь виском в снег, его пинали со всех сторон, кричащие маски нависали сверху. Генри почти удалось подняться на колени, когда, расталкивая всех, к нему с ревом пробился толстяк, навалился сверху и занес кулак. Генри вывернулся, сбрасывая его с себя, и кулак врезался в землю. Нельзя, чтобы к нему прикоснулись голой рукой, – он понятия не имеет, что тогда будет, даже отец никогда так не делал. Генри перекатился, наталкиваясь на чьи-то пинки, но его прижали к земле, наступили на руки. Он забился – бесполезно, держали крепко. Снег оседал ему на лицо, короткие, легкие уколы холода. Толстяк снова занес кулак, и в эту секунду Генри наконец так испугался, что кровь за секунду разнесла страх по телу, до кончиков пальцев, он зажмурился, времени ни на что больше не было, оно закончилось, и тут...

Генри обдало жаром, толстяк слетел с него, а толпа рванулась в стороны, расплзлась, как старая ткань. Сразу стало легче дышать, Генри запрокинул голову, пытаясь оторвать ее от земли, и зубы у него стукнули так, что он прикусил себе язык.

Толстяка прижимало к земле странное существо, похожее на волка, – темно-серое, как ступившаяся тень, а под этой оболочкой, внутри, тлел огонь. Неподалеку прямо из-под снега вылезла птица, рядом – кабан, и Генри наконец понял, из чего сделаны эти существа. Это не тени – это пепел. Они словно откапывали сами себя из-под земли, появлялись там, где только что был ровный снег. Птицы, волки, лисы из пепла, с теплящимся внутри огнем. Но двигались они, как настоящие. Заяц прыгнул на ближайший навес, тот занялся пламенем. Лиса бросилась переворачивать прилавки, заметалась между ними как безумная. Волк стоял над толстяком, прижимая его передними лапами к земле, тот вопил – на нем тлела одежда, – а волк повернулся и уставился на Генри.

Крик разрастался, катился по площади, как огонь по сухой траве. Люди наталкивались друг на друга и кричали, многоголосо, жутко, а существа наступали на них. Раздался жаркий треск: занялось деревянное крыльцо одного из домов, потом на ком-то из людей загорелась одежда, и Генри вжался спиной в снег, от страха он не мог даже двинуться, кровь из разбитого носа стекала в рот, мешала дышать, а волк все ждал, глядя на него. Генри, спотыкаясь, поднялся на ноги: раз эта тварь хочет драки, пусть получит. Он уже понял: люди куда слабее, чем говорил отец, они не смогут остановить такое существо. А вот он попробует.

Но волк не бросился. Он слез с груди толстяка, – тот с рыданием перекатился набок, вжимаясь в снег ожогом на груди, – и Генри пригнулся. Морда волка была прямо перед его лицом, так похожая на настоящую. Вот только от нее веяло жаром, как от раскаленной головни.

А потом волк попятился и наклонил голову, едва не касаясь носом земли. Остальные твари замерли и сделали то же самое. Генри вдохнул глубже, пытаясь успокоиться, потом еще раз и еще. Пепел, что впитался в снег. Вот откуда они взялись. Он заворуженно посмотрел на свою правую руку. Она до сих пор казалась горячей – с той самой секунды, как он сломал тот камень. И Генри вдруг понял – еще одно знание, которое пришло будто из ниоткуда: твари подчиняются ему. Они сделают все, что он скажет. Что угодно. Надо просто выбрать жертву, двинуть рукой – и они бросятся. Генри чувствовал, что сила бьется в нем, как кровь, и огонь внутри тварей горел все ярче.

Он огляделся. Кудрявый сидел на снегу, белый как полотно, с разбитой бровью, – кажется, его тоже побили, хотя его-то за что? Девочка испуганно плакала, прижимая к себе деревце. Рыжий парень, тоже изрядно помятый, восхищенно смотрел на тварей и вытягивал шею, пытаясь разглядеть их с разных сторон, и бормотал: «С ума сойти, вот это трюк, как же это сделано, а?» Тис замер все с тем же испуганным, остекленевшим взглядом. А Освальд... По его позе, по взгляду Генри вдруг понял: ему это нравится.

А потом до него дошло кое-что еще так ясно, будто все в голове залило холодным серебристым светом.

Люди боялись его. Они охотились на него не потому, что завидовали его дару.

Он может приказать этим тварям убить их. Сжечь тут все дотла.

Все, что он знал о людях по рассказам отца – ложь.

Вся эта история про Сердце – правда.

Отец знал, кто он такой, и поэтому спрятал его.

И да, кажется, судя по этим тварям, он и правда наследник какого-то жуткого типа, который жил триста лет назад.

Но Барс выбрал его – и это тоже правда. Барс смотрел на него тем странным взглядом, как будто знал его.

Генри показалось, что вдоль позвоночника ему провели куском льда. Он поднял взгляд. Никто больше не пытался на него броситься, да уж, он бы на их месте тоже не стал: твари окружали его плотным кольцом, отгораживая от всех. Он увидел себя будто со стороны, и ему захотелось дико, до слез расхохотаться от того, во что превратилась его жизнь за последнюю пару часов.

Волк поднял свою раскаленную морду и посмотрел на Генри, ожидая приказа. Освальд, кажется, приподнялся на носках, только бы видеть, что произойдет.

– Проваливайте, – еле шевеля распухшими губами, сказал Генри.

И сжал руку в кулак. В ту же секунду твари погасли и рассыпались в пепел, и пепел сразу впитался в снег.

Освальд разочарованно выдохнул. Генри оглядел толпу. Люди прижимали к себе детей, с ужасом глядя на Генри.

– Его не трогать, – кивнув на кудрявого, пробормотал он. Ему казалось, что он весь набит изнутри стеклянными осколками и они пытаются прорвать кожу.

– Эй, а я? Я тут тоже вообще-то ни при чем! – зажимая разбитый нос, возмутился рыжий. – Отличное представление, но почему меня-то побили?

– Этого тоже не трогать, – прибавил Генри, коротко взглянув на него.

А потом развернулся и бросился по первой попавшейся улице, едва заставляя себя втягивать воздух. Толпа расступилась перед ним, никто не пытался помешать. Улицы были пусты: наверное, все ушли на площадь. И он бежал, сам не зная куда, бежал, пока не свернул за какой-то угол и не врезался в человека.

Генри отлетел назад и замер, тупо глядя в землю. Он знал, что это случится в одном из переулков рано или поздно. Снег шел все гуще, Генри чувствовал, как он попадает в рот, – мягкие, мокрые крупинки.

– И почему ты мне не сказал, кто ты такой? – тяжелым голосом спросил Тис.

– Ты не спрашивал. Я просто... Я же не знал, что... – Он судорожно вдохнул. Легкие горели. – Отец мне всегда говорил, что со мной все в порядке. Что люди злые и жестокие и они просто завидуют моему дару, но на самом деле... – Голос у него мерзко задрожал, будто сейчас сорвется. – На самом деле это они боятся меня. Это не они чудовища. Это я чудовище, верно? – Голос дрожал все сильнее, и Генри замолчал и сгорбился, глядя на свои руки.

– Отдай мне остальные камни, – сказал Тис. Голос у него словно заledenел.

– У меня их нет! Те люди просто их уронили на... на дороге. Я же не знал, что... – Генри втянул воздух и вытер рукавом кровь, только сейчас заметив, что она по-прежнему капает с подбородка на снег. – Я сломал один, сам не знаю зачем, и оставил остальные там.

Тис тяжело вздохнул и обеими руками потер лицо.

– Неудивительно, что тебя к ним потянуло. Камни сделаны так, что сломать их и освободить тварей может только разрушитель. Ты испугался, поэтому они явились. Они могли сжечь дотла всю деревню. Вместе с людьми.

– Но я этого не хотел! Я только хотел выбраться, я не хотел никого убивать, я... – Он задыхался. – Слушай, Тис, к отцу я не пойду. Я уже все понял. Он мне врал. Я готов начинать. Прямо сейчас.

– Ты о чем?

– Поход. Ты сказал, если найти Сердце, у всех появятся дары, хорошие, как раньше, верно? И у меня тоже, верно? Верно? Все просто, да? Я найду это Сердце, и у меня появится хороший дар, а не этот. Этого больше не будет. – Он приподнял трясущиеся руки. – И я смогу жить там, с людьми. Ведь да?

Тис выдохнул и потер лоб. Генри вдруг понял, что Тис делает все, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Послушай, Генри. Либо Барс сошел с ума, либо решил подшутить. Ты наследник разрушителя, у тебя его сила, и ты не можешь идти в поход за Сердцем. Не можешь быть избранным Барса.

– Почему?

– Потому что так не бывает. Человек с таким даром, как у тебя, не может стать героем. Если бы ты был обычным, я имею в виду... нормальным. Я бы помог тебе. Но у нас ничего не выйдет. Я знал того разрушителя, Генри. – Тис прерывисто вдохнул. – Ты хороший парень, я вижу это. Но этот дар... – он помотал головой, – разъедает изнутри, как черный огонь, убивает и обладателя, и всех вокруг него. Тебе нельзя находиться рядом с людьми. Я перенесу тебя туда, где мы встретились, и там мы расстанемся. Ты ведь хорошо знаешь лес? Тебе надо спрятаться. Тебя будут искать все – и Освальд, и посланники, и король, и люди из вашей деревни.

Тис замолчал, словно ждал ответа, но Генри не двигался, только смаргивал снег – такой густой и частый, будто кто-то швырял его горстями в лицо.

На этот раз Тис не просил Генри дать ему руку, просто взял его за плечо, и в следующую секунду они стояли посреди заснеженного леса.

– Я тут еще кое-что вспомнил, – по-прежнему не глядя на Генри, сказал Тис. – Барс велел передать тебе вот это. Мою склянку вызова. Если разбить ее голой рукой, я сразу приду. Если тебя найдет Освальд, или посланники, или люди из вашей деревни – зови, помогу.

Он подал Генри маленькую, размером с мизинец, склянку из зеленого стекла, с такой же пробкой. Склянка тускло поблескивала на ладони Тиса, как будто отражала свет, но света вокруг не было, только снегопад. Генри протянул руку и взял.

– В прошлый раз я видел, что случилось с таким, как ты. Не хочу увидеть это еще раз. – Тис переступил с ноги на ногу, глядя в сторону. – У тебя нос разбит. Я сейчас принесу кошку.

– Не надо. Убирайтесь из моего леса, – бесцветно пробормотал Генри, развернулся и, не оглядываясь, побрел через сугробы.

А потом остановился и швырнул склянку в темноту. Та блеснула искрой вдалеке, и снег бесшумно ее проглотил.

К тому времени, когда Генри дошел до дома, метель начала утихать, снежные хлопья падали все реже. Вокруг было столько снега – дом будто провалился в него, темный и маленький, с едва заметным огоньком в окне.

Когда он открыл дверь, отец сидел у огня, вырезал стрелы и от своего занятия не оторвался. Генри медленно, словно к ногам были привязаны камни, опустился на стул рядом с ним.

– День Угрозы? Старики и дети, вооруженные до зубов? Жуткая, защищенная от врагов деревня? – выдавил он, глядя прямо перед собой. – Пап, зачем?

От огня снег на его полушубке тут же начал таять, вода часто капала на пол. В этом звуке было что-то невыносимое, как весной, когда тает снег и капли падают с крыши на землю, будто твердят с утра до ночи, что одно время кончилось и началось другое, и сердце у Генри грохотало быстро, сбивчиво, будто на нем тоже растаяла ледяная корка.

В глубине души Генри надеялся, что отец скажет: «Что ты несешь?», но тот длинно выдохнул и откинулся на спинку стула.

– Дар у тебя проявился, когда тебе было четыре. – Голос у отца был тяжелый и ровный, будто он отрубал каждое слово топором. – Я сразу понял: ты и есть тот самый ребенок, появление которого было предсказано. Наследник темной силы разрушителя. Я хотел тебя уберечь. Решил спрятать как можно дальше. Думал, никто про тебя не узнает и все обойдется. Не обошлось, верно? Я видел дым над деревней. – Отец в упор посмотрел на него, и по его взгляду Генри понял: отец думает, он сделал что-то ужасное.

И Генри все рассказал ему, сбивчиво, захлебываясь словами. Про охоту, рану, барса, странного старика и его кошек, ярмарку, человека в железной маске, огненных тварей, драку.

Когда он договорил, отец вдруг засмеялся. Он даже улыбался редко, и Генри в жизни не слышал, чтобы он заливался таким хохотом.

– Серьезно? – простонал он. – Барс выбрал тебя? Это же смешно, Генри, давай засмейся! – Он вытер глаза. – Триста лет все ждали, что появятся два новых великих воина, светлый и темный, и сразятся за Сердце волшебства. Два, понимаешь? Кому в голову могло прийти, что обе стороны выберут одного и того же человека? Ох, Генри. Я всегда знал, что ты особенный, но это даже слишком. Я когда увидел следы, думал, Барс пришел убить тебя. Ну, знаешь, устранить противника, а я ничего не смогу сделать. Ну и поворот! А теперь ответь на два вопроса. Почему у тебя такое мрачное лицо и почему ты все еще здесь?

Генри непонимающе заморгал, и отец терпеливо договорил:

– Какой-то старик с кошками отказался помогать тебе. И что? Ты же сказал, он уже дал тебе подсказку? Так давай, найди Сердце. – Отец нагнулся, глядя ему в глаза. – И Барс, и Освальд выбрали тебя, – значит, ты можешь это сделать. А теперь прекрати трястись и хлопнуть носом и верни обратно моего самодовольного сына, который не боится даже кабанов в два раза больше себя.

Генри вытер нос и надтреснуто, жалко рассмеялся.

– А кстати, что с кабаном стало? – пробормотал он.

Отец махнул рукой.

– Рад, что у тебя нет других вопросов. Бросил в лесу. Небось охотники прихватили, да и ладно.

– Пап, я... я не смогу. Я не знаю, куда идти, я даже подсказку не понял.

– Генри, я уверен, что мы с тобой...

Отец вдруг вскинул голову, распрямился и быстро подошел к окну.

– Как они успели? – каким-то треснувшим голосом пробормотал он.

Отец открыл дверь и уперся обеими руками в края дверного проема. Генри подошел к нему. У подножия горы двигались мигающие огни – факелы.

За всем этим кошмаром Генри совершенно забыл слова Освальда, что тот вызвал посланников. Вот идиот, как он мог забыть?

– Генри, прекрати смотреть на меня, как олень под прицелом, и соберись. Да не вещи, на них времени нет! Возьми только нож, лук и стрелы. Бери мои, я уже вижу, что свои ты потерял.

В метели сквозили рыжие огни факелов, слабые, едва не гаснущие под снегом. Сначала Генри насчитал двадцать, теперь понял – больше, они подбирались со всех сторон.

– Мы на самом севере, дорога тут только одна, и ее наверняка перекроют. Вот что. Иди строго на юг, пока не увидишь большое озеро.

– Озеро? – тупо повторил Генри. Все вокруг, вся его жизнь за два этих проклятых часа взяла и развалилась на куски.

– Большая вода. Как река, но круглая. Дойдешь – сворачивай налево и на перекрестке с большой дорогой увидишь постоянный двор, – торопливо сказал отец. – Там вечно толпится всякий люд, и никто не обращает внимания на незнакомцев. Заночуй там, возьми денег. – Отец вытащил из кармана и сунул ему в руку три плоских золотых круга, вроде тех, что он видел на ярмарке.

Генри хотел было спросить, как этим пользоваться, но отец перебил его:

– Быстрее, Генри. Посланники – это не деревенские охотники-болваны. – Отец шагнул в сторону от двери, уступая Генри дорогу. – Надо, чтобы они думали, что ты еще здесь.

Генри растерянно посмотрел на огни. Потом на отца. Он хотел было сказать, что ни за что не даст отцу это сделать, но тот взял его за плечи и встряхнул так, что Генри чуть не стукнулся затылком о стену.

– Я разберусь. Докажи мне, что я не зря тебя учил. Если ты все сделаешь, никто больше не посмеет тебя травить. Ты найдешь Сердце, чего бы это ни стоило, ты меня понял?

Генри расправил плечи и отрывисто кивнул.

– Вот и молодец. – Отец хлопнул его по спине, он выглядел так же, как всегда, но Генри видел – плечи у него горбились, будто он нес на них тушу волка. – А теперь беги, как ветер.

Генри уже открыл рот, чтобы сказать: «Когда все это закончится, я найду тебя, папа, где угодно тебя найду», – но отец толкнул его за порог с такой силой, что он понял: больше тот не ждет от него никаких слов.

Не оглядываясь, он помчался вниз, стараясь держаться ближе к скалам, и понял, что снег стал падать куда реже, – теперь он будет виден, как на ладони. И тут сзади, от дома, раздался крик и грохот, как будто ломали что-то деревянное.

– Помогите! Сюда! Кто-нибудь! – закричал отец, его голос раскатывался по склону, перекрывая даже вой ветра. – Он хочет меня убить! Сюда! Спасите!

Расположение факелов изменилось – они стянулись теснее, и Генри помчался туда, где между соседними факельщиками по явилось свободное место. Их было много, но у него

было перед ними преимущество: они, наверное, никогда не носились весь день по лесу, пытаясь уйти от погони. Генри мчался бесшумно, как тень. Отец всегда говорил ему: «Самое главное, что понадобится тебе в жизни, это умение быстро бегать».

Один факел вдруг оказался прямо перед ним, а за факелом – белое, мрачное, будто сделанное из снега лицо. Этот человек не сможет выстрелить из лука – одна рука занята факелом. И Генри понесся прямо на него, сбил на снег и аккуратно двинул локтем в затылок, прежде чем тот успел даже крикнуть, – пусть отдохнет минут десять.

Генри обернулся: огни факелов остались в стороне, теперь все они двигались прямо к дому.

Он в последний раз увидел очертания крыши, а потом пропали и они, как будто дом поглотил снег.

Тьма вокруг стала гуще, а затем снова побледнела, словно кто-то в небе никак не мог решить, день сейчас или ночь. Луна выглянула в щель между тучами, будто провертела в них дыру и решила подглядеть, как идут дела внизу. Снегопад кончился, мир вокруг стал равномерно бледным. Луна появлялась и уходила снова, и от этого свет все время менялся; казалось, по снегу пробегают тени чего-то бесплотного, невидимого глазу.

Генри знал этот лес наизусть и не разрешал себе смотреть по сторонам, чтобы не прощаться. Он бежал, пока не добрался до места, где кончался знакомый лес, до границы, за которую отец запрещал ему заходить. Генри никогда еще не нарушал это правило.

Река была узкой, темной и быстрой, почему-то она никогда не замерзала, даже в самые лютые морозы. В детстве Генри часто ходил сюда и мечтал перебраться на другую сторону. Потом перестал.

Черная вода катилась мимо, голые ветки тянулись к ней с обоих берегов, обвисшие, как руки с переломанными пальцами. На другом берегу были такие же сосны, такие же кусты, но как будто даже снег на ветках щетинился по-другому, опасный, чужой.

Генри разулся, закатал штаны до колена, выдохнул и вошел в ледяную воду, держа сапоги в руке. Он вернется. Станет обычным, нормальным, и они с отцом будут жить вместе с другими людьми, охотиться, им не придется прятаться, и никто его больше не тронет.

На другом берегу он обулся и, не оборачиваясь, потащился вверх по склону.

Генри не знал, сколько времени прошло, просто шел, даже не глядя по сторонам, пока не понял, что снег стал не таким глубоким, сосны теперь попадались все реже и реже и вдруг закончились совсем.

Здесь скалы обрывались, уходили резко вниз, а то, что начиналось за ними, казалось невыносимо огромным. Как будто мир кончался здесь, и там, внизу, все было по-другому, среди сосен попадались другие деревья, незнакомые, с толстыми узловатыми ветками, такими черными, словно снег на них не держался. А дальше до самого горизонта тянулось что-то влажно блестящее, как река, но круглое. Озеро, вспомнил Генри. Это называется озеро.

Он посмотрел вниз – склон был покрыт старыми корнями, намертво сплетенными друг с другом. По ним можно спуститься. Внизу скалы и голый камень – там он не оставит следов. Его не найдут.

Надо было сначала забраться подальше, но Генри тяжело опустился на камни, свесив ноги вниз. Плотные серые тучи шли широкими прорехами, словно высыпали весь снег и обессилели, стали тонкими и полупрозрачными, как старая тряпка. И в эти полосы между тучами было видно небо: иссиня-черное, пугающе глубокое. Ветер утих, больше не двигалась вокруг ни одна ветка.

А потом Генри повернул голову влево – и подавился воздухом. На заснеженном пне стояла склянка из зеленого стекла.

Генри огляделся. Но лес вокруг был застывшим и тихим, ни движения. И тогда он положил склянку в карман и начал спускаться вниз, держась за мерзлые корни.

Склон скоро закончился, теперь под ногами были камни, и даже они были не такими, как в горах рядом с домом. Генри вздохнул и быстро пошел вперед. Когда выбираешь дорогу, никогда не надо думать слишком долго – так говорил отец.

С каждым шагом идти становилось все легче.

Глава 3

Братья кэмпбеллы, вперед!

Генри увидел то, что искал, когда солнце начало клониться к закату, а он сам уже совсем выбился из сил. Он шел всю ночь и весь день: раз отец сказал дойти до озера, значит, с этого и надо начинать. И вот теперь за редкими, незнакомыми деревьями блестело озеро. Перед закатом солнце разгорелось ярче, будто на прощание решило постараться, искры дробились на воде, и Генри, придерживая лук на плече, бегом бросился вперед.

Берег был пологий, с плоскими светлыми камнями, а дальше... Генри выдохнул. Он даже не видел, где заканчивается эта вода. Так много воды, почему она не замерзла? Между озером и кромкой леса шла утоптанная тропинка. Отец сказал, надо идти по ней налево, и там будут люди.

Он отошел подальше от тропинки и сел на поваленное дерево. После вчерашнего перехода босиком через реку его знобило, и он за весь день так и не смог согреться. По веткам носились белки, у Генри рука так и тянулась к луку, но без костра дичь смысла не имеет, а костер разводить нельзя, чтобы посланники его не выследили, и он постарался не думать о голоде и не дрожать.

Отдохнет немного и пойдет дальше. Мысли были медленные и сонные, будто голова набита горячей паклей. Он сам не заметил, как задремал от усталости, – непростительная, ужасная оплошность, отец был бы в ярости, если бы узнал.

А проснулся оттого, что вдалеке слышались голоса и шаги.

Времени, кажется, прошло совсем немного: солнце по-прежнему клонилось к закату. Генри вскочил и прислушался. По тропинке шли двое. Скорее всего, пройдут мимо. Лучше не бежать – бегущую фигуру заметить легче, – просто спрятаться. Только вот эта дурацкая местность ровная, как доска. Генри привык прятаться в горах, где всегда можно найти укромный угол, но здесь любой выбор будет одинаково плох, так что... Генри присмотрел толстенное, в два обхвата, дерево, и притаился за ним.

А потом люди подошли ближе, и он узнал их голоса.

– Слушай, Хью, а у нас точно получится? – сказал один. – Я как-то не уверен.

– Помолчи и не ной. Когда в нашей семье делили мозги, все достались мне, так что захлопнись и дай подумать, как нам быть.

Это были те самые охотники, от которых он прятался на берегу реки. Те самые, которые пытались на ярмарке убедить толстяка, что видели Барса. Генри едва не застонал: откуда они вообще могли здесь взяться?

– Значит, так, слушай меня, – сказал тот, у которого голос был тоньше. – Будешь делать, что я тебе говорю. У меня есть план, и не один.

– Хью, ну ты и мозговитый!

– Я знаю. Поймаем мы эту белку, просто слушай, что я тебе говорю. Для начала надо зайти поглубже в лес. Я слышал, белки к вечеру прямо гроздьями на ветках висят. Пошли, мордастый.

Голоса оказались совсем рядом. Генри осторожно высунул голову из-за дерева. С берега озера в его сторону шли двое парней. Один был темноволосый и пухлый, лицо у него было круглое, как полная луна. Второй – невысокий и хилый, с бесцветно-белыми волосами. Теперь на них были не охотничьи полушубки, а короткие синие куртки и полосатые шарфы. У каждого на плече болтался большой, плохо сделанный лук и колчан с кривоватыми стрелами.

Они остановились на поляне, где прятался Генри – как будто не могли во всем лесу выбрать другого места, – и он вжался в кору. Его душил кашель, и он со всей силы сжал зубами перчатку.

– Первый пункт в моем плане был: «Схватить первую попавшуюся белку и сбежать, пока остальные не пришли за нее отомстить», – сказал хилый. – Но никаких белок тут нет, так что этот пункт вычеркиваю. Пункт второй: «Позвать белок». Я слышал, надо свистеть.

Хилый свистнул. Получилось не очень.

– Я знаю, знаю, что надо делать! – радостно завопил мордастый. – Я придумал! Гляди!

– Твой план – причмокивать и бить ладонью по колену? Сван, ну ты и тупица! Прекрати!

– А что? Собак же так зовут! А белка – это почти как собака. Только маленькая.

– Да сколько раз повторять – просто слушай меня! Короче, переходим к третьему пункту плана: «Приманивать». Вот что я принес. Белки любят орехи, так?

Генри не выдержал и немного высунул голову из-за дерева. Такой охоты он не видел никогда в жизни. Хилый достал из кармана орех, вытянул ладонь и какое-то время постоял так. Белки, ясное дело, не появились.

– Может, они уже сытые? – неуверенно спросил мордастый, переминаясь с ноги на ногу. – Слушай, а вдруг у нас ничего не выйдет?

– Спокойно! Приступаем к четвертому пункту: «Делаем ловушку». Смотри, я беру свой шнурок, делаю петлю и кладу на снег. А теперь надо спрятаться за деревом и ждать.

– У меня есть мармелад. Может, перекусим пока?

– Нам не до того! Ладно, давай.

Какое-то время раздавалось только сочное, веселое чавканье. Генри ждал. Уйдут же они когда-нибудь. И вообще, зачем им белка, если у них уже есть пища?

– Слушай, белки же на деревьях живут, – наконец сказал мордастый. – Надо петлю на дерево повесить. А под дерево положить мармеладку. Белка ее увидит, побежит по стволу вниз и попадет лапой в петлю.

– Это мог придумать только такой болван, как ты. Ладно, давай попробуем. Подсади меня.

Они, пытаясь, приладили шнурок на дерево.

– Как-то нехорошо выглядит, – сказал мордастый, глядя на болтающуюся на ветке петлю. – На месте белки я бы к такой штуке близко не подошел.

– Тогда переходим к пункту номер пять: «Звать по-хорошему». Мама говорила, все животные понимают человеческий язык, просто притворяются, что нет. У тебя голос, как труба, встань и позови белок.

Мордастый гаркнул так, что Генри сильнее прижался к стволу дерева.

– Достопочтенные белки или любые другие животные! Не могли бы вы нам показаться! Нам надо убить кого-нибудь из вас, чтобы...

– Ты не умеешь вести переговоры, балбес! – завопил хилый. – Все приходится самому делать! Не могли бы вы показаться нам, чтобы... чтобы мы могли поближе познакомиться! Нам очень нужно всего одну белку! Вместо белки сойдет какая-нибудь птица, главное, чтобы ее легко было пой... пообщаться с ней. Спасибо за внимание! Все, теперь будем ждать, пока они придут.

– Хочешь пока сыграть в «Слопай меня, великан»? Я и карточки прихватил, и кубик.

– Сван, ты что, совсем тупой? Охотники не играют в настольные игры в засаде! Они приглядываются к каждой мелочи. – Хилый оглядел лес. – Я вот, например, подмечаю любое движение! Учись! Если кто-нибудь подкрадется, сразу замечу. А ты мне про игры! Тут дело серьезное!

Генри едва не прижал к лицу ладонь. Он двигался то чуть вправо, то влево, чтобы не попасть в их поле зрения, но если бы они как следует осмотрели местность, они бы заметили

его еще минут пять назад. Не говоря уже про его следы, которые были, увы, отлично видны в паре метров от них.

– Мы, по-моему, для такого опасного приключения держимся неплохо, – пропыхтел мордастый, когда они отвязали шнурок от ветки.

– А то! И вообще, больно нужна нам эта охота! В походе нам это вообще не понадобится. Возьмем денег и будем покупать еду, как нормальные люди. Не понимаю, с чего папаша вбил себе в голову, что мы должны уметь стрелять, чтобы пойти в поход!

– Мы же будем великими героями, да, Хью?

– Ну, уж я-то точно.

– Великие братья Кэмпбеллы – хорошо звучит, да?

– Тихо ты! Великое у тебя только пузо. Подождем еще. А-а-а! Смотри!!!

Хилый заорал так, что Генри уже решил: все, его заметили, но потом понял, в чем дело. Темно-рыжая белка крупными прыжками пронеслась по веткам.

Мордастый вытащил стрелу, кое-как приладил ее на тетиву и выпустил. Стрела полетела куда-то в сторону. Генри думал, на этом все и кончится, но белка помчалась назад, прыгнула на дерево, за которым прятался Генри, и перескочила на следующее, будто и не думала скрываться. Братья вопили и стреляли во все стороны.

Приближался закат, и белок становилось все больше, они сновали по деревьям, можно вслепую попасть. У братьев тем временем кончились стрелы, и они долго их собирали. При этом, к счастью, ушли подальше от Генри. А белки все выскакивали из своих укрытий. Генри никогда не мог понять, что их так привлекает в закате, но они как будто провожали солнце – то одна, то другая вдруг застывала на задних лапах, глядя на ярко-розовый круг над горизонтом, и мчалась дальше. Свет был уже совсем вечерний, острый и мягкий одновременно. Братья носились вдалеке, плохо стреляли, ругали белок и трясли в их сторону кулаками. Закат коснулся снега последним лучом, и за секунду до того, как свет иссяк окончательно, белки бросились обратно по домам.

– Вы куда, эй! – наперебой закричали братья. Генри чуть не застонал. Если там все охотники были такие, с чего он вообще их боялся? – Мы не закончили! А ну вернитесь!

– Вам что, жалко? – звенящим голосом прибавил мордастый и снова натянул тетиву. – Папа нас в поход за Сердцем без этого не пустит! А нам надо пойти! Иначе мы героями вообще никогда не станем!

Генри едва не подскочил. Так вот в какой поход собираются эти двое. А что, если они откуда-то знают, где Сердце? Он, правда, не понял, какая связь между Сердцем и белками, ну и ладно. Такие олухи приведут его туда, куда нужно, и даже сами не заметят.

Он бесшумно привстал на колено, взял с земли лук, прицелился и выстрелил.

Запоздавшая белка упала с ветки и плюхнулась на снег.

– Попал! – крикнул мордастый. – Ура! Гляди! Вот это выстрел!

Они запрыгали, обнялись и бросились к лежащей на снегу белке.

– Сван, слушай... – начал хилый.

– Ты видел? Я король охотников!

– Сван, это не твоя стрела.

Братья посмотрели друг на друга. Потом мордастый боком подошел к белке поближе.

– Вот это стрела. Ровная какая. Не то что наши. И оперение такое аккуратное. Хью, откуда она тут взялась?

– Значит, тут кто-то есть кроме нас, тупица.

– А-а-а! – завопил мордастый, потом захлопнул рот, и стало очень тихо.

– Эй! Пап, это ты? – крикнул хилый.

Они огляделись. Никого, конечно, не было – Генри уже спрятался за другим деревом, там, где они не могли его разглядеть.

– Не, папа бы нам не стал помогать, – наконец решил хилый. – Он же сказал: если сами хоть одну белку подстрелите, тогда отпущу вас в поход. Зачем ему такое говорить, а потом самому стрелять?

– А я знаю, – тихо сказал мордастый. – Это какой-нибудь добрый дух леса нам помог.

– Да ладно, не будь болваном! Не бывает никаких добрых духов леса! Я уверен, эту стрелу просто... просто принес ветер! Точно!

– А я уверен, что добрый дух! Давай ему за это какой-нибудь подарок оставим! Думаешь, он захочет игру «Слопай меня, великан»?

Мордастый начал копаться в карманах, но хилый хлопнул его по руке.

– Да брось ты! Игра нам самим пригодится – в походе будет чем заняться! Зачем нам задабривать какого-то мелкого духа, когда мы идем навстречу приключениям и в этот лес больше не вернемся? Я сюда ни ногой – охоты с меня на всю жизнь хватило! Запомни: подарки раздавать надо только тем, от кого еще и в будущем помощь потребуется, а так – на всех не надарисься!

– Но он же...

– Бери белку и пошли. Только надо стрелу вытащить, а то папаша догадается, что мы ее не сами прибили.

– Выглядит ужасно. Прямо из белки торчит. Я не смогу. Вытащи сам.

– И не подумаю. Я придумал план, а ты вообще ничего не делал. А ну вытаскивай быстро!

Мордастый, зажмурившись, зачем-то уперся в белку ногой, вытащил стрелу и отшвырнул в сторону.

– А как мы ее донесем? – жалобно спросил он. – Я как-то не уверен. Мы даже мешок не взяли. Мне страшно. Не могу на нее смотреть. Она мертвая. И трогать ее не хочу. Жутко как-то.

– Бери за хвост, – решительно сказал хилый, не глядя на белку. – А то не возьму тебя в поход, ясно?

С этими словами хилый развернулся и пошел в сторону озера. Мордастый застонал и двумя пальцами взял белку за хвост.

– Прости, белка. Никогда больше не буду охотиться. Эй, дух леса! Спасибо! – Он засмеялся и догнал брата. – Слышь, Хью, давай песню придумаем? Я начну, подхватывай.

И он заговорил весело, громко, как будто рубил слова на куски и подбрасывал эти куски вверх.

– В этот славный снежный день...

– Снега и в помине нет, – проворчал Хью.

– Мне охотиться не лень!

– Лень, но это мой секрет.

– Белку метко подстрелил!

– Хоть, по правде, и не я.

– И папашу восхитил!

– Силой своего вранья!

А потом они гаркнули вместе:

– Мы теперь пойдем в поход! Братья Кэмпбеллы, вперед!

Голоса удалялись, а Генри все стоял, прижавшись лбом к дереву. Ему было не по себе: холод пробирал до костей, хотя по подтаявшему, блестящему снегу ясно было: мороз не такой уж сильный. До него вдруг дошло, что дела у него так себе, надо срочно развести костер, пусть это и опасно. Если он не согреется, то заболеет, и толку от него будет мало. Но если эти двое идут в поход, если они знают, куда идти...

Генри выбрался из-за дерева и тихо пошел вслед за братьями.

Шагов через сто Сван обернулся. Генри успел спрятаться за дерево, парень никак не мог его увидеть, но все равно долго стоял, вглядываясь в темноту. Потом замахал рукой, крикнул: «Пока, дух! Спасибо!» – и помчался за братом.

Большой двухэтажный дом, облепленный со всех сторон постройками поменьше, стоял на пересечении тропинки, что шла вдоль озера, с широкой дорогой. Людей вокруг не было, но окна сияли, а в большом сарае фыркали и переступали копытами какие-то животные – может, олени? Как же люди заставили их стоять так спокойно?

Над входом в большой дом висела надпись: «Кабанье логово», и Генри решил, что явно недооценивал людей, если они как-то удерживают внутри кабанов. Братья потянули дверь на себя – на секунду шум усилился, будто высыпался на улицу, и на землю легла яркая полоса света. Потом дверь закрылась, и снова стало темно. Генри подкрался к окну и заглянул в щель между криво повешенными ставнями.

Кабанов внутри не оказалось, только большая, ярко освещенная очагом комната и много людей. Они сидели, сгрудившись вокруг столов, уставленных глиняными кружками. Пахло едой, и до Генри как-то разом дошло, что последний раз он ел вчера утром, вечность назад – до того, как пошел охотиться на кабана. От этой мысли он помрачнел окончательно.

– Пап! – крикнул Хью, ловко пробираясь между столами. Сван шел за ним, все так же держа белку в вытянутой руке. – Мы ее подстрелили! Вот! Видал?

Они подскочили к большому столу, за которым сидели человек восемь, и Сван гордо положил белку перед одним из них. Тот повернулся – и Генри прирос к месту. Да с какой стати они все сюда явились?

– Точно сами подстрелили? – подозрительно спросил толстяк, который бил его на ярмарке.

– Обижает, пап! А кто еще? Эта белка на нас бросилась, зубы оскалила, рычит, и тут я ее – рраз! Одной левой придушил!

– Подстрелил, – сказал Хью, пихнув Свана локтем в бок. – Он хотел сказать: подстрелил. Пап, ну что, нам уже можно в поход?

– Только мы не знаем, куда идти надо, – прибавил Сван.

Генри крепче прижался лицом к щели между ставнями.

Вокруг было столько звуков – хлопали об стол кружки, трещал огонь в камине, все переговаривались. И зачем столько людей набилось в одну комнату?

– А я что, знаю? Коль вы у меня правда избранные, Барс вам подсказку даст, как, по легенде, и положено. Так что валите завтра утром куда хотите. Хоть отдохну от вас, балбесов. – Толстяк похлопал каждого по щеке. Лицо у него было красное, глаза сонные, с нехорошим, водянистым блеском, и говорил он как-то нечетко, словно у него распух язык.

– Не верю я во все эти рассказы, – проворчал бородатый человек за тем же столом. – Барса они видели, еще чего!

Толстяк стукнул кружкой по столу будто хотел разбить. Из кружки на стол выплеснулось что-то мутное.

– Да ты хоть знаешь, кто я такой! – рявкнул он, и лицо его побагровело еще сильнее. – Я с... старейшина Хевирхела! Тьфу! Хейверхилла! Да вся деревня рыдала, когда нас проводжали! Короче, олухи, слушайте. – Он схватил каждого из сыновей за волосы и дернул к себе с такой силой, что они чуть не ткнулись носами в стол. – С утра идете куда глаза глядят, а дальше Барс вам знак какой-нибудь подаст. Как только Сердце найдете – быстро сюда. А я тут поживу, пока в деревне все не утрясется. – Он повернулся к остальным, кто сидел за столом. – Все скорбели, что мы уезжаем. Половине деревни аж плохо стало. Если я сразу вернусь, они так обрадуются, что и сердце не выдержит у них, ясно?

– Пап, может, тебе полежать? – жалобно сказал Сван.

Толстяк как будто забыл, что все еще прижимает сыновей лицом к столу.

– Будешь отцу указывать, велю Хью тебя с собой не брать, – огрызнулся он и оттолкнул их от себя. – Ишь, советчик! Поумней сначала!

Сван сгорбился, прижав обе ладони к покрасневшей шее, и вдруг резко повернулся к окну. Генри отпрянул и прижался к стене. Все в порядке, Сван не мог его разглядеть – щель между ставнями слишком узкая, но в следующий раз надо быть поосторожнее...

И тут дверь открылась изнутри. Генри едва успел спрятаться за углом дома.

– Эй! – тихо сказал Сван, шурясь в темноту. – Кто тут?

– Да тебе показалось, тупица, иди сюда! Нет там никого! – крикнули из дома, и Сван, еще раз оглядевшись, закрыл дверь.

Генри медленно выдохнул и отвел со лба налипшие волосы. Даже если эти двое с чего-то тоже решили искать Сердце, они понятия не имеют, куда идти, – это ясно как день. Зато из-за них в дом теперь соваться нельзя. Отец велел начинать поиски здесь, но откуда ему было знать, что эта семейка тоже сюда явится?

Да еще, как назло, опять снег пошел. В горах Генри бы сразу нашел, где укрыться, но тут только дорога, озеро и незнакомый лес. Там ночевать нельзя, он повадки местных зверей не знает – задерут во сне. Стараясь дышать неглубоко, чтобы не заходиться этим мерзким кашлем, Генри огляделся. В той стене дома, у которой он стоял, окон не было, только трухлявое крыльцо на вкривь и вкось поставленных балках. Поломанные ступени вели к наглухо заколоченной двери. Генри осмотрелся: снег вокруг нетронутый. Вот тут он и пересидит снегопад, делать нечего.

Его собственные следы были глубокими и четкими, предательски заметными отовсюду, но что уж теперь. Он залез на крыльцо, забился в дальний угол и уткнулся носом в колени. Теплее тут не было, но хоть снег не сыпал за шиворот, и такая тишина – можно было забыть, что люди близко. Генри привалился виском к стене, тупо глядя прямо перед собой и пытаясь не дрожать. Он отлично знал: это не поможет, наоборот – только теряешь тепло. Посидит тут немного и пойдет дальше. Главное – не спать, нельзя спать на таком холоде, плохая идея, очень плохая... Он даже не успел додумать эту фразу до конца: заснул.

Разбудил его резкий, веселый скрежет. Этот смутно знакомый звук будто трепал по плечу, твердил на одной ноте: просыпайся, проснись – и Генри открыл глаза. Снегопад так и не кончился, ничего вокруг не разглядишь, но сквозь белые хлопья, прыгающие в воздухе, до него доносился все тот же звук, и он сразу вспомнил, где слышал его раньше.

Генри с трудом встал – ветер уже намел сугробы даже здесь, на крыльце, – и бросился вниз по ступеням, от холода почти не чувствуя ног.

К дому приближалась повозка. Возница, съездившийся на козлах, дул во что-то железное. Они что, все решили здесь собраться? Генри замер, выглядывая из-за угла дома. Перед дверью с надписью: «Кабанье логово» возница остановился, не уложив слез с повозки и обеими руками потрепал лошадь по шее. На голове у нее уже намело небольшой сугроб.

– Отличная шляпа, старушка, – хрипло пробормотал он, сметая снег с головы лошади. – Но перед тем как зайти в стойло, ее надо бы снять. Никуда не уходи, я скоро.

И он, едва наступая на левую ногу, зашел в дом.

Генри, не выдержав, снова подобрался к ярко освещенному окну и прижался к щели между ставнями. Любопытство отвлекало от того, что холод как будто проморозил насквозь даже кости.

Парень стянул с головы побелевший от снега капюшон и остановился посреди комнаты.

– Приветствую вас в этот снежный вечер, дамы и господа! – начал он задорным, громким голосом. – Вам повезло, что вместе с вами под этой крышей решил укрыться знаменитый маг и чародей! Позвольте показать вам несколько фокусов, и...

– Ты! – взвизгнул толстяк и встал, обеими руками отодвинув от себя стол. Несколько кружек упали и покатались по полу. – Выслеживал нас, оборванец?

Рыжий стоял спиной к окну, но Генри все равно понял: он рад этой встрече еще меньше, чем толстяк. Впрочем, голос его остался таким же бодрым:

– Да что вы, и не думал! Из вашей деревни одна дорога ведет, и на этой дороге один постоянный двор. Поистине неожиданная встреча. – Рыжий приложил руку к груди и наклонился вперед.

– Вышвырните его отсюда, или я уйду! – взревел толстяк.

С тех пор как Генри последний раз его видел, он побагровел еще больше, глаза опухли, щеки лоснились под светом очага.

К рыжему тут же подошел долговязый человек в белом фартуке.

– Иди отсюда, парень, – тихо сказал он. – Это выгодный постоялец, не хочу его злить.

– Слушайте, мне бы только переночевать, да лошадь в стойло поставить, да немного еды нам обоим. И никаких фокусов, честно, – зашептал рыжий. – Согласен на любой сарай, я там не побеспокою господина старейшину. – Он глубоко запустил руки в карманы. – Вот все, что есть. Четыре медяка. Я вижу, вы добрый, славный человек и не оставите бедняка замерзать на улице в снегопад.

И с чего он это взял? Человек в фартуке добрым и славным совсем не выглядел. Но он долго глядел на монеты, а потом сгреб их с ладони рыжего.

– Ладно, можешь лечь в чулане с работниками. Сходи туда, они тебе дадут сена для лошади и скажут, куда ее поставить. Только не попадайся на глаза этому господину.

Человек в фартуке с опаской оглянулся на толстяка, но тот уже сел, уронив голову на стол.

Генри хотел было отойти – ничего ценного опять не узнал – и вдруг понял, что Сван, обернувшись через плечо, глядит прямо на него. На этот раз Генри не отошел и увидел, что Сван поднялся, сказал что-то Хью и потянул его за рукав к двери. Генри отступил за угол дома. Если они правда видели его, будут здесь через полминуты, а спрятаться нигде: на таком глубококом снегу следы выдадут сразу. Он еще успеет сбежать, все равно куда, они не догонят. Но при мысли о том, чтобы снова бежать от людей, он почувствовал такую беспомощную ярость, что так и не сдвинулся с места.

На снег легла бледная полоса света – открыли главную дверь.

– Да ты тупица, нет здесь никого! Кому охота в такую погоду нос на улицу высовывать!

От двери до угла семь шагов, и они повернули как раз сюда.

– Я прямо чувствовал, как на меня кто-то смотрит! Мурашки вот такие по спине побежали! Вдруг тот дух за нами от самого леса идет?

– Не бывает никаких духов! Ну ладно, обойдем вокруг дома, если тебе так хо...

Братья приоткрыли рот, дернулись назад и, оступившись, сели в сугроб. Потом Сван переполз за спину Хью. Зачем – непонятно. Сван был в два раза крупнее. К счастью, оба не проронили ни звука.

Генри смотрел на них, мысленно умоляя так же тихо вернуться в дом и больше не показываться ему на глаза, но, кажется, братья поняли его выражение лица по-другому.

– Бросишься – крикнем, – чуть не заикаясь, выдавил Хью. – В доме куча народу.

– Эй, Хью. А если он решит нас убить, прежде чем мы кого-то позовем? – шепотом спросил Сван, выглядывая из-за его плеча.

– Зачем ты ему идею подаешь! – возмущенно прошипел Хью, повернувшись к брату.

Генри хотел было сказать ему, что, если ожидаешь нападения, не отворачивайся, подставляя шею, но промолчал.

– А если он опять страшилищ вызовет? – настаивал Сван.

– Не вызовет, – без большой уверенности ответил Хью.

Повисло тягостное молчание. Генри уже понадеялся, что этим дело и ограничится, но тут Хью облизнул губы и задал вопрос, который Генри ожидал услышать меньше всего:

– Слышь, чудище, ты ведь Барса еще до нас видел. – Голос у него стал неуверенным, почти просящим. – И я вот думаю: а что, если он по ошибке тебе дал подсказку? Ну, хотел нам, а дал тебе.

– Хью, ты такой умный, – громко прошептал Сван.

– Я знаю, – небрежно ответил Хью. – Ну так что? Как насчет взаимовыгодного обмена, чудище? Ты нам скажешь подсказку, мы никого не позовем. А то пожалеешь. Люди сбегутся и палками тебя забьют.

Генри чуть было не сказал, что, если хочешь угрожать, для начала неплохо бы встать, но тут у него появилась идея получше.

– Ладно, вот подсказка, – пожал плечами Генри. – «Дом тебе укажет путь. Чтобы поиск продолжать, надо головой рискнуть: здесь ее легко сломать».

Братья недоуменно переглянулись.

– Кому надо голову сломать? Тебе, что ли? – опасливо спросил Хью.

– Это загадка, – спокойно пояснил Генри. – Ее надо отгадать – тогда поймешь, куда идти.

– Что за ерунда! Еще загадку отгадывать! Мы уже избранные! Зубы нам заговорить решил? – завопил Хью, забыв об осторожности.

– Мы – это я. Вы там случайно оказались. А теперь давайте вместе подумаем, что это значит, тогда я дам вам отсюда уйти. Такой вот взаимовыгодный обмен.

Лица у братьев застыли от ужаса, и Генри сразу увидел, что они загадку тоже не поняли, нечего было и надеяться.

– А ну говори настоящую подсказку, – тонким голосом сказал Хью. – Сейчас позову всех, и тебя на куски разорвут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.